

Глава 6. «МЕЛОЧИ» ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Мы уже знаем, что собой представляли органы управления городом и что входило в их обязанности. А как они с ними справлялись? Оставим в стороне такие важные и многотрудные дела, как написание справок, докладов, отчетов, оформление различных документов, раскладка и «выбивание» из горожан податей и налогов и тому подобные. Что касается собственно городского хозяйства (обустройство улиц, водоснабжение, канализация, озеленение), то тут городские власти в основном исполняли роль наблюдателей и распорядителей, перекладывая эти обязанности на «городское общество». Но были и такие жизненно важные для горожан вопросы, решением которых «отцы города» должны были заниматься по обязанности, выделяя на это деньги из городского бюджета.

Таких проблем довольно много, но мы остановимся только на тех, которые имели значение буквально для всех городских обывателей. К примеру, разве не важна была для горожан охрана общественного порядка, спокойствия и безопасности? И стражи порядка несли свою нелегкую службу и в дождь, и в мороз, столь обычные для северных городов. Увы, но и среди устьсысольцев находились такие, кто был не в ладах с законом. Для осужденных в Усть-Сысольске имелась тюрьма или «тюремный дом» – заведение, к которому никто не питал нежных чувств, но без коего и обойтись в уездном городе было никак нельзя, поскольку оно «гостеприимно» принимало не только провинившихся горожан, но и жителей всего уезда.

Для всех российских маленьких городов, преимущественно деревянных, важной проблемой была противопожарная безопасность и борьба с пожарами. Несмотря на все меры предосторожности, российские города горели с потрясающей регулярностью, заставляя государство раскошелиться на помощь погорельцам. А отвечали за борьбу с «огненной стихией» городские власти.

В довершение ко всему горожане еще и болели. О «народном здравии» тоже должны были заботиться городские власти. Они и заботились как могли. По крайней мере, история городской больницы неамного короче истории самого города. Кроме того, в обязанности «отцов города» входила борьба с эпидемическими заболеваниями, «дурными привычками», основной из которых всегда было неумеренное потребление алкогольных напитков, и санитарное просвещение.

Вот об этих вроде бы «мелочах» городской жизни (не каждый же день у горожан горели дома или чего-нибудь болело, и уж тем более их нечестно грабили) и пойдет речь.

6.1. «Смотрение за благочинием»

Главным лицом, отвечающим за порядок в городе, как мы уже знаем, был городничий, чиновник Министерства внутренних дел. Согласно «Учреждению об управлении губерний» 1775 года именно ему поручалась «городская полиция, или благочиние». В деле «смотрения за благочинием», «истребления скопищ воров» и вообще пресечения всяческих «ослушаний» и «насильств» городничему должна была помогать находящаяся в его подчинении «штатная команда». Круг обязанностей «штатной команды» был определен достаточно четко: несение караульной службы и охрана общественного порядка. Не очень понятно было другое: откуда эта «штатная команда» возьмется, из скольких человек она должна состоять и кто должен платить за ее содержание? Скорее всего, каждый город сам определял численность своих «стражей порядка», поскольку оплачивался их нелегкий труд из городской казны (тут уж сомнений не было – государство не собиралось брать на себя финансирование городской полиции).

Мы не знаем, успел ли первый усть-сысольский городничий капитан Огибалов сформировать

«штатную команду», поскольку уже в 1782 году был издан «Устав благочиния, или полицейский», реорганизовавший полицейскую службу в российских городах. Теперь в них создавались новые органы полицейского управления – управы благочиния (полицейские управы), которые и возглавляли городничие. Кроме городничего, в управу входили два пристава (по уголовным и гражданским делам) и два ратмана городского магистрата. В круг основных обязанностей управы благочиния входили сбор сведений о занятиях и источниках доходов местных жителей, наблюдение за выполнением закона о паспортах, контроль за обществами, братствами, религиозными сектами и масонскими ложами (таковых в Усть-Сысольске, слава Богу, никогда не водилось) и, через ратманов, выполнение некоторых судебных функций.

Непосредственное «смотрение» за тем, «дабы не учинилось чего в нарушении спокойствия общего», возлагалось на частных приставов и квартальных надзирателей, в помощь которым горожане должны были по повинности выделять квартальных поручиков – низших полицейских служителей, которые и составляли теперь прежнюю «штатную команду». Но это в больших городах, которые делились на части и кварталы, а в городках типа Усть-Сысольска вполне обходились без них, и «полицейские служители» подчинялись непосредственно городничему [1].

Часть полицейских функций (например, несение караульной службы) выполнял и городской гарнизон – «инвалидная команда» численностью до 50 человек. В ней несли службу старослужащие, получившие ранения в боях, и негодные к строевой службе по болезни. Командовал этим воинством офицер в чине подпоручика. Содержание «инвалидной команды» также возлагалось на город.

Очевидно, что набор «полицейских служителей» по повинности большого энтузиазма у горожан не вызвал: кому же охота нести службу, причем весьма хлопотную, на общественных началах? Да и можно себе представить, сколь добросовестно следили за порядком эти «общественники»! Власти тоже обратили внимание на то, что в организации «патрульно-постовой службы» не все ладно. Посему в 1799 году был издан указ с характерным для того времени длинным названием «Об определении в полицейские должности из чиновников по избранию Губернаторов и Комендантов, с положением жалования из городских доходов и о разрешении неудобств, могущих возникнуть при учреждении Полиции»:

«Его Императорское Величество, усматривая из донесений Комендантов, что... в Губернских и уездных городах определенные в должности Полицейские купцы и мещане не имея ни навыка, ни нужных сведений не могут отправлять их с надлежащею исправностью, Высочайше повелеть изволил: на местах сих определять из оставшихся за упразднением мест и других в казенной службе

бывших способных и расторопных чиновников, по избранию губернаторов и Комендантов, с положением им из городских доходов жалования» [2].

Этот указ означал, что полицейская служба в городах становится профессиональной, содержание ее возлагается на городскую казну. В маленьком Усть-Сысольске численность «полицейских служителей» была небольшой. Например, в 1836 году по росписи народонаселения в Усть-Сысольске числилось 5 «полицейских военнослужителей». Собственно полицейских было трое – они числились на постоянной службе и занимались охраной общественного порядка. Двоих же нанимали ежегодно в качестве пожарных, поскольку борьба с «огненной стихией» также возлагалась на полицию. В 20-е годы XIX века было разрешено нанимать на эти должности бессрочноотпущенных нижних чинов (отставных солдат). Вот такие «бессрочники» и пополняли полицейскую команду Усть-Сысольска. По росписи городских расходов на 1843 год, жалованье трех полицейских составило всего 10 руб. 29 коп., да еще 70 руб. 35 коп. ушло «им же на провиант и амуницию» и 3 руб. «оным же лицам на починку полушубков». На наем еще двух человек «для полиции» было потрачено 45 руб. 70 коп. В 1859 году на жалованье, обмундирование и провиант для нижних полицейских чинов было потрачено 273 руб. 93 коп. Прямо скажем, чрезмерными эти расходы не назовешь.

А еще в городе имелось такое исправительное учреждение, как тюрьма. Известно, что, когда Усть-Сысольск был погостом, ее не было. Однако превращение его в уездный центр неизбежно должно было привести к появлению «тюремного замка», куда должны были свозить для отбытия наказания осужденных правонарушителей со всего Усть-Сысольского уезда. Мы не знаем, когда точно был построен тюремный замок, где он находился и как выглядел. Можно лишь предположить, что он изначально помещался на окраине в районе пересечения улиц Спасской и Юго-Загородной (в то время этот район был совершенно незастроен) и представлял из себя окруженный частоколом обыкновенный бревенчатый барак, разделенный на комнаты-камеры. Деньги на отопление и освещение тюремного замка выделялись из городского бюджета, причем в начале XIX века почему-то не ежегодно (к примеру, расходы по этой статье отсутствовали в 1812 и 1815 годах). Впрочем, расходы на содержание тюрьмы понемногу возрастали: в начале XIX века они не превышали 100 руб., в 1820 году доросли до 235 руб., в 1839 – до 250 руб. в год. Зато в 1843 году они почему-то опять резко сократились до 71 руб. 50 коп., но затем опять возросли до прежней суммы (к примеру, в 1859 году – до 273 руб. 92 коп.).

Вместе со своим начальством городские полицейские переезжали с места на место, поскольку караульное помещение и арестные камеры, куда помещали задержанных за разные проступ-

ки, находились при городническом правлении. Иногда они занимали отдельные комнаты в доме правления, иногда помещались в отдельном флигеле. Городничий постоянно отмечал, что караульное помещение недостаточно просторно, а арестное – ненадежно. Но тут уж ничего не поделаешь – само городническое правление, как мы помним, размещалось далеко не в идеальных условиях.

Немногочисленные полицейские служители не только несли караульную службу (эта работа как раз в основном возлагалась на «инвалидную команду») и боролись с нарушителями общественного порядка, но и помогали городничему во всех его многотрудных обязанностях: доведении до граждан установлений власти и их исполнения, слежении за тем, чтобы горожане содержали в порядке свои дома и улицы, обеспечении порядка во время «массовых мероприятий» (ярмарок и церковных служб), сборе сведений по статистической отчетности, выколачивании недоимок по налогам и сборам, борьбе с пожарами и эпидемическими заболеваниями, если, не дай Бог, в том возникнет необходимость.

Большинство устьсысольцев были вполне благонамеренными гражданами и с полицией дел не имели. Нет, конечно, суды работали с полной нагрузкой. Но в основном они рассматривали имущественные тяжбы по наследству, неуплате арендной платы, невыплате долга и тому подобные. Уголовные преступления в Усть-Сысольске были редкостью. В маленьком городе не происходило жестоких убийств, разбоев и грабежей, а самыми ужасными преступниками были мелкие воришки – таковых за год попадалось 10–20 человек. Значительно больше хлопот стражам порядка доставляли неумеренно потребляющие спиртные напитки. Городничий так и докладывал в губернское правление: «Наиболее было взято полицией из мещан и крестьян за пьянство». Однако городская тюрьма, которая, вероятно, больше служила вытрезвителем, чем местом изоляции злодеев-преступников, никогда не была переполнена – за год это учреждение «посещали» от силы 20–50 человек [3].

В обязанности городничего с подчиненной ему полицейской командой входило и наблюдение за присланными под надзор полиции (ссылными). Таковых, впрочем, было очень немного – в первой половине XIX века Усть-Сысольск еще не стал местом массовой ссылки. Первым политическим ссылкой стал служивший по судебному ведомству надворный советник Осип Филиппович Ишимов*, высланный из Петербурга с семьей по приказу всеильного А.А.Аракчеева «за беспокойный

* ИШИМОВ ОСИП ФИЛИППОВИЧ (ок. 1768 – ?) – родился в Вятке, служил в канцелярии генерал-губернатора Вятской губернии, затем – секретарем тобольского губернатора, директором Главного народного училища Тобольской губернии. В 1803 г. переехал в Кострому, в 1805 г. – в Петербург, где служил по судебному ведомству. В 1819 г. выслан в Усть-Сысольск, в 1821 г. переведен в Никольск, затем в Кемь. Освобожден от ссылки в 1830 г., переехал в Новую Ладугу Петербургской губ., в 1832 г. – возвратился в Петербург.

нрав и вредные для общества действия» (Ишимов защищал крестьян от их помещика, оказавшегося родственником Аракчеева). В Усть-Сысольск он приехал в 1819 году и прожил здесь два года.

В 1827 году в Усть-Сысольск выслали Григория Абрамовича Перетца**. Он был членом декабристского «Союза благоденствия», но не входил в «Северное общество» и участия в восстании 14 декабря 1825 года не принимал. Тем не менее в феврале 1826 года он был арестован, однако вскоре освобожден и выслан в Пермь, откуда и был переведен в Усть-Сысольск. В Усть-Сысольске он прожил 13 лет. В июле 1839 года Г.А.Перетц был переведен в Вологду, где поступил на государственную службу.

В Усть-Сысольске Г.А.Перетц мог познакомиться с еще одним ссылкой – профессором Московского университета, известным издателем и литератором Николаем Ивановичем Надеждиным***. Он был выслан за публикацию в издаваемом им журнале «Телескоп» «Философического письма» П.Я.Чаадаева, не понравившегося Николаю I критикой российских порядков. Журнал был закрыт, а его издатель сослан в «столицу зырянского края», куда он и прибыл летом 1837 года. Н.И.Надеждин пробыл в Усть-Сысольске совсем недолго – 11 января 1838 года он был переведен в Вологду.

Эти ссылки никак не отличались от обычных хлопот городничему и полиции не доставляли. Конечно, служба есть служба – городничий вынужден был выполнять необходимые формальности, в частности проверять переписку своих подопечных и регулярно докладывать начальству об их поведении. Но относился к ссылкой не как к опасным политическим преступникам, а как к уважаемым гражданам, по малопонятным причинам провинившимся перед начальством. Н.И.Надеждин,

** ПЕРЕТЦ ГРИГОРИЙ АБРАМОВИЧ (1789 или 1790 – после 1850) – родился в Могилевской губ., с детства жил в Петербурге. С 1809 г. служил в Экспедиции о государственных доходах, в 1813–1817 г. был в командировке в Новороссию, в 1818–1825 гг. служил в канцелярии генерал-губернатора С.-Петербурга М.А.Милорадовича. Был членом «Союза благоденствия», но участия в восстании декабристов не принимал. Арестован в 1826 г., выслан в Пермь и Усть-Сысольск. В 1839 г. переехал в Вологду, служил в приказе общественного призрения, с 1843 г. – чиновник по особым поручениям при вологодском губернаторе. Позднее выехал в Одессу, где занимался предпринимательской деятельностью.

*** НАДЕЖДИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1804–1856) – родился в Рязанской губернии в семье диакона. Окончил Рязанскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. Получил известность как литературный критик и издатель. В 1831–1835 гг. состоял профессором Московского университета по кафедре теории изящных искусств и археологии. С 1831 г. издавал журнал «Телескоп» и газету «Молва». В 1836 г. опубликовал в «Телескопе» «Философическое письмо» П.Я.Чаадаева, за что журнал был закрыт, а издатель отправлен в ссылку в Вологодскую губернию. Из ссылки освобожден в 1838 г., жил в Одессе, с 1843 г. – в Петербурге, был редактором «Журнала Министерства Внутренних Дел».

имевший чин статского советника (выше, чем у городничего), писал, что городничий встретил его «при полном параде» и доложил о состоянии города и уезда, а затем поселил в «домике прелестном, на хорошем месте». «Городское общество» с любопытством и удовольствием принимало у себя «опасных преступников», а городничий считал вовсе не опасным просить дочь О.Ф.Ишимова (который, кстати, по чину тоже был выше городничего) позаниматься со своим сыном французским языком.

Да и сами ссыльные принесли немало пользы Усть-Сысольску. О.Ф.Ишимов весьма деятельно занимался просветительством, составил несколько проектов об улучшении порядка следственного производства, улучшении положения казенных крестьян, развитии образования. А о бурной «культуртрегерской деятельности» его дочери Александры, будущей известной детской писательницы, обучавшей местную молодежь балльным танцам, поставившей первый театральные спектакль, еще будет рассказано подробнее. Н.И.Надеждин принимал активное участие в организации общественной библиотеки и, уже покинув Усть-Сысольск, присылал в нее книги и журналы [4].

Значительно больше хлопот полиции доставили другие поднадзорные, но не своей антиправительственной деятельностью, а проблемами, связанными с их «достойным приемом». В январе 1814 года городничий Самарин был извещен о том, что в Усть-Сысольск придут французские военнопленные. Пришлось срочно готовиться к встрече неожиданных гостей – ведь речь шла не об одном-двух, а о большой партии поднадзорных. Вскоре городничий доложил, что «для означенной партии квартиры отведены быть имеют». Около ста французских солдат добрались до Усть-Сысольска в феврале 1814 года. Их разместили в специально построенных бараках на берегу Сысолы (это местечко через много лет стали называть Парижем), снабдили теплой одеждой и обувью, подлечили (многие были обмороженными). Самарин и его полицейские должны были «иметь наблюдение» не только за снабжением, но и поведением военнопленных (городничий сообщил, что «оные находятся в хорошем поведении»). Вскоре после окончания войны французы покинули Усть-Сысольск, надолго оставив о себе память у городских обывателей [5].

Но такое экстраординарное событие в жизни Усть-Сысольска всего один раз и имело место. Городничий со своими полицейскими при помощи инвалидной команды благополучно следили за соблюдением спокойствия граждан, пока не грянули реформы 60–70-х годов XIX века. Как уже упоминалось, они коснулись и системы охраны правопорядка. 25 декабря 1862 года были утверждены «Временные правила об устройстве полиции», согласно которым были упразднены должности городничего и капитана-исправника, а полицейские службы города и уезда объединены в уездное полицейское управление во главе с уездным исправником, назначаемым губернатором. Уезд делился на станы во главе со становыми

приставами, каждый из которых имел свою полицейскую команду.

Усть-Сысольское уездное полицейское управление было создано в 1863 году. Первым уездным полицейским исправником стал Михаил Иванович Никитин, переведенный на это пост из Вологды с должности советника губернатора. Учительница Феоктиста Ивановна Забоева так его характеризовала в своих воспоминаниях: «Прекрасный человек, очень добрый, вежливый, деликатный, семейные его отличались теми же качествами... Жили они совершенно по-аристократически».

Полицейское управление, разумеется, разместилось в уездном городе. Вероятно, оно изначально помещалось в доме Суханова на Набережной улице. Обедневшие Сухановы еще в 1853 году заключили договор с городничим на сдачу части здания в наем под государственные учреждения (в нем разместились уездный и земской суды и уездное казначейство). Их-то скорее всего и сменило новообразованное полицейское управление. Теперь уже оно напрямую заключало договор об аренде второго этажа дома. В контракте на трехгодичную аренду, заключенном в 1882 году с Ефимом и Николаем Александровичами, Николаем и Александром Ивановичами Сухановыми, указана и сумма аренды – 150 рублей в год. В начале 90-х годов XIX века владельцем дома стал купец Василий Жеребцов, а затем его сын Петр Васильевич, и теперь пятилетние контракты заключались с ними. Интересно, что владельцы дома обязались за свой счет делать ремонт второго этажа, который как раз и занимало полицейской управление (в контракте даже было оговорено, что исправник лично выбирает обои для своего кабинета и присутственной (приемной) комнаты). В начале XX века здание было выкуплено казной и стало именоваться домом Усть-Сысольского общественного управления, но второй этаж его по-прежнему занимала уездная полиция* [6].

Штаты учреждения, отвечавшего за порядок на огромной территории, вовсе не поражали своими размерами. Штатный состав Усть-Сысольского уездного полицейского управления включал самого уездного исправника, помощника уездного исправника, неперменного заседателя управления, секретаря, столоначальника (позднее – двух столоначальников) и регистратора. Кроме того, непосредственно к уездному полицейскому управлению были приписаны приставы 1 и 2-го станов, полицейский надзиратель Усть-Сысольска, ведавший городской полицией, и смотритель Усть-Сысольского тюремного замка. В подчинении последнего состояла команда тюремных надзирателей. В 1909 году она, к примеру, состояла из 8 человек (1 старшего и 7 младших надзирателей), в том числе привратника, заведующего хозяйством, заведующего мастерскими, выводного, трех постовых (2 – на внутреннем и 1 – на

* Интересно, что в 30-е гг. XX в. в здании помещалось НКВД Коми АССР, а в 1938–1939 гг. на месте разобранного дома Суханова было построено современное здание МВД РК (ул. Кирова, 38).

внешнем) и запасного. Позднее она увеличилась до 13 надзирателей.

Уездное полицейское начальство, как правило, было в небогатых чинах, из небогатых служивых дворянских семей. Чтобы достичь должности уездного исправника с неплохим доходом в 1,5 тыс. рублей в год (750 рублей – жалованье и столько же – столовые, и, кроме того, исправнику полагались квартирные) и чина надворного советника (VII класс) или коллежского асессора (VIII класс) требовалось пробить «в службе» лет 15–20, постепенно поднимаясь по ступеням служебной лестницы. Для таких полицейских чиновников должность уездного исправника была «пиком» служебной карьеры, за которым следовала почетная отставка с пенсией.

Вот, к примеру, послужной список надворного советника Василия Алексеевича Ушакова, занявшего пост Усть-Сысольского уездного полицейского исправника в 1880 году, когда ему было 42 года. Он происходил «из обер-офицерских детей», образование получил в Тотемском уездном училище, на службу поступил в 1853 году, состоял служителем Тотемского земского суда, затем – письмоводителем разных станов Тотемского уезда, был помощником пристава, секретарем Вологодского городского полицейского управления, приставом 2-го стана Вологды. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, за что был награжден медалью и знаком Красного Креста. Вернувшись с войны, получил назначение в Вельск уездным исправником, а через год был переведен на ту же должность в Усть-Сысольский уезд. Его заслуги перед Отечеством были отмечены орденом св. Станислава 3-й степени.

А полицейским надзирателем Усть-Сысольска в это время состоял титулярный советник (X класс) Константин Васильевич Клеопатров, 30-ти лет от роду, тоже из офицерских детей, закончивший Усть-Сысольское уездное училище. Он начал службу в 1865 году с должности писца Усть-Сысольского уездного казначейства, в 1871 году поступил на службу в полицейское управление регистратором и к 1873 году дослужился до столоначальника, а в 1874 году стал городским полицейским надзирателем. В 1879 году его перевели приставом 3-го стана Кадниковского уезда, но в 1881 году вернули обратно. В 1882 году он был назначен приставом 2-го стана Усть-Сысольского уезда.

Последним пост уездного исправника занимал коллежский секретарь, кавалер орденов св. Анны 3-й степени и св. Станислава 3-й степени Андрей Лазаревич Дядик. Усть-Сысольским уездным исправником он был назначен 17 мая 1915 года, когда ему было 38 лет. А до этого за 20 лет службы где только не побывал! Уроженец Украины, он недолго был почтальоном в Одесском почтовом округе, а затем поступил на службу в полицию и более 10 лет служил на разных полицейских должностях в Сибири – околоточным и помощником пристава в Томске, помощником полицейского надзирателя в Верхоленске, приставом в Иркутске, полицмейстером в Якутске. С 1910 по 1915 год Дядик успел послужить Нижегородским и Во-

логодским полицмейстером и Сольвычегодским уездным исправником. И ни на одной должности больше двух лет не задерживался! Возможно, служба в Усть-Сысольске стала бы самой длительной в его карьере, но в 1917 году она была прервана революцией [7].

Большинство полицейских чиновников, занимавших пост уездного исправника, были не из местных, и обычно срок их службы в Усть-Сысольске ограничивался 5–6 годами. Даже если они выходили в отставку в Усть-Сысольске, то жить в городе не оставались. Показательно, что почти никто из них не обзаводился в Усть-Сысольске собственным домом, предпочитая жить на съемной квартире. А вот низшие служители полицейского управления (регистраторы и писари) и городские, на которых, можно сказать, и держался порядок в городе, все были местными, из усть-сысольских мещан.

Поначалу порядок в городе поддерживали всего 6 городских. Но растет город – растет и численность «стражей порядка». «В силу Высочайшего повеления 14 апреля 1887 г. штат полицейской команды распоряжением Г[осподина] Товарища Министра Внутренних дел, выраженном в отношении Вологодского Губернского правления от 4 ноября 1887 г. за № 1993 согласно распределения Вологодского Губернатора назначен в г. Усть-Сысольске из 8 человек чинов» (современные бюрократы, учитесь, как надобно писать!). Старшему полагался оклад в 150, семи младшим – по 132 рубля в год, да, кроме того, по 25 рублей на обмундирование. Всего в 1890 году на содержание полицейской команды город затратил 1354 рубля (это не считая обязательных выплат на содержание российской полиции в целом) и еще 120 рублей ушло полицейскому надзирателю на наем квартиры и разъездные.

Вплоть до начала XX века штатная численность полицейских сумма, выделяемая из городского бюджета на содержание полицейской команды, не менялись. Однако затем число «стражей порядка» было решено увеличить. В 1910–1914 годах городская полицейская команда состояла из 11 полицейских служителей (2 старших и 9 младших нижних чинов). Да и на содержание полицейской команды стали выделять больше средств. Например, в 1914 году на содержание городской полиции, включая и затраты на устройство арестного помещения, было израсходовано 3359 руб. 60 коп., примерно столько же, как и в предыдущие годы (например, годовые оклады старших городских теперь составляли 300, а младших – 240 рублей). Но рост суммы, затрачиваемый на содержание полиции, больше связан с инфляцией, чем с возрастанием реальных затрат. В структуре городских расходов они составляли примерно 16% [8].

Круг обязанностей уездной полицейской власти мало отличался от обязанностей городничего с его полицейской командой, разве что теперь полицейские не тушили пожары (но обеспечивать порядок и посильно помогать пожарным они все равно были обязаны). Уездный исправник со своим немногочисленным аппаратом прежде всего

должны были доводить до должностных лиц уездного управления все распоряжения центральной власти и строго следить за их исполнением. На уездного исправника, а не на пожарную команду, возлагалось наблюдение за соблюдением мер противопожарной безопасности (а исполнять их надлежало городским властям). Уездный исправник выполнял роль цензора, поскольку имел право (впрочем, как и станковые приставы) перлюстрации почтовой корреспонденции. Без его разрешения нельзя было проводить ни одно массовое мероприятие, будь то детский утренник, бал-маскарад или лекция в Народном доме. Он утверждал репертуар любительской театральной труппы. Да и сам исправник или уполномоченные им чины полицейского управления обязаны были лично посещать все эти мероприятия. Кроме того, исправник, как и городничий, ежегодно составлял множество отчетов и справок о положении в уезде.

Но прежде всего в обязанности полиции входила охрана общественного порядка. Полицейские должны были пресекать любые «бесчинства», а особенно разбушевавшихся задерживать и доставлять в камеры полицейского управления. Поскольку управление было уездным, а в пригородных волостях арестных помещений не было, сюда доставляли и проштрафившихся сельчан из окрестных деревень. Мелких нарушителей хватало, и полиция без дела не сидела. Но нельзя сказать, что устьсыольцы доставляли ей чрезмерные хлопоты. Вот, к примеру, в 1910 году дежурный по команде городских зарегистрировал 343 человека, доставленных городскими и стражниками в камеры полицейского управления. В 1911 году таковых набралось 404 человека. Причем из них лишь примерно половина были жителями Усть-Сысольска (впрочем, большинство сельских жителей также были задержаны в городе). Причина задержания в журнале не указывалась, но судя по тому, что всех выпустили в тот же или утром на следующий день, это были «поддавшиеся искушению зеленого змия», после протрезвления отпущенные на все четыре стороны [9].

Полицейские бдительно следили за бродягами и нищими, которых следовало в принудительном порядке выпроваживать из города. Но и по этой части у них особых хлопот не было – в отдаленный город беспаспортные бродяги забредали редко, а своих нищих, промышляющих сбором подаяний, несмотря на то, что бедноты в городе хватало, не водилось. Усть-Сысольский полицейский надзиратель ежегодно вписывал в отчет одно и то же: «Бродяг, беглых, лиц без письменного вида не было. Случаев подделки монет и кредитных билетов не было».

К «группе риска» относились еще и «девицы легкого поведения». Таковые, по крайней мере в конце XIX – начале XX веков, в Усть-Сысольске имелись, хотя официальных публичных домов не было (но были «квартиры», которые снимали для жительства две-три девицы). В 1881 году уездный исправник по приказу из Вологды составил список местных проституток. В нем оказалось 15 «девиц легкого поведения» в возрасте от 20 до

34 лет. Из них только одна была «из мещан», две – солдатские дочери, остальные – из крестьянских семей близлежащих волостей. Все они обитали в местечках Кируль и Подгорье, там, где ютилась самая беднота. В 1908 году в Усть-Сысольске числилось всего 5 «женщин легкого поведения». У полиции имелись строгие предписания о наблюдении за проститутками, которые должны были регулярно проходить обследование у городского врача [10].

Немногочисленные усть-сысольские городские обязаны были без промедления докладывать обо всех преступлениях и принимать меры к задержанию правонарушителей. А если дело расследовалось следователем или рассматривалось в суде по заявлению потерпевшей стороны, то полиция обязана была обеспечить явку ответчика. Многочисленные гражданские дела (тяжбы о наследстве, разделе имущества, нарушении долговых обязательств и тому подобные) полиции мало касались. Но ведь были же и дела уголовные. Усть-Сысольск, конечно, не «столица преступного мира». Организованной преступности в городе не было. Но случались в Усть-Сысольске и убийства (в основном непредумышленные), и кражи, и драки «с нанесением тяжких телесных повреждений», и «нанесение обиды» (когда словом, а когда и делом). А еще немало горожан занимались «домашней выгонкой вина» (самогоноварением). Да мало ли еще чего могли натворить отдельные несознательные граждане.

Все горожане, осужденные даже за незначительные уголовные преступления, находились на учете в полиции, которая решала, оставить ли их «под подозрением» (иначе говоря – под надзором) или можно таковой и снять. К примеру, в 1870 году в полицейской книге учета осужденных горожан числилось 85 человек. Но это вовсе не за один год – некоторые совершили преступление еще в 1836 году. Тут была разная публика: и купцы, пойманные за руку на нечестных сделках, и уклонявшиеся от рекрутской повинности, и укравшие беспаспортных беглецов, и осужденные «за нанесение обиды», и мелкие воришки. Большинство из них по приговору магистрата получили свое в виде порки (это осужденные еще до отмены телесных наказаний) или отсидели одну-две недели в остроге. Суровее других был наказан некий Дмитрий Коданев: «за произведенное в городской штофной лавочке буйство, чрез которое рядовой Зайцев помер» ему всыпали 30 плетей (между прочим, этим по поручению магистрата занималась полиция) и «предали церковному покаянию». Надо иметь в виду, что в этом списке нет совершивших тяжкие преступления и приговоренных к каторжным работам, длительному тюремному заключению или ссылке под надзор полиции – ведь они в составе «городского общества» не числились [11].

Но с первых же месяцев после образования Усть-Сысольского уездного полицейского управления уездный исправник, а с ним и полицейский надзиратель Усть-Сысольска, получили «головную боль», от которой был избавлен их предшественник-городничий. В России второй половины

XIX века нарастало национально-освободительное и революционное движение, и это самым непосредственным образом отразилось на истории Усть-Сысольска. Нет, среди устьсысольцев революционеров и бунтарей не было. В 1862 году за хранение политических стихотворений и связи с революционно настроенной молодежью в Усть-Сысольск под надзор родителей был выслан студент Санкт-Петербургского университета В.В.Кокшаров, сын уважаемого протоиерея Троицкого собора Вонифатия Кокшарова. Однако у Вонифатия Кокшарова-младшего увлечение революционными идеями было недолговременным. Уже в 1865 году надзор был снят ввиду благонадежности поднадзорного.

Но в «столицу зырянского края» направляли для исправления не только местных жителей. Усть-Сысольск вошел в число городов, куда стали ссылать «нарушителей общественного порядка» со всей Российской империи. В ссылку направляли не только революционеров, но и совершивших чисто уголовные преступления, так что усть-сысольские ссыльные представляли из себя довольно пеструю публику. Поначалу их было не так уж и много. В 1862 году, например, в Усть-Сысольске было 24 ссыльных, из них трое – политических. Однако постепенно численность ссыльных возрастала, и самой активной и заметной их частью были как раз сосланные за «преступления против государства».

Первыми из политических в Усть-Сысольске оказались участники польского восстания 1863 года. «Основателем» небольшой польской колонии стал Доминик Сцегенный, попавший в ссылку за участие в подпольной революционной организации еще до восстания. В 1863 году в Усть-Сысольск были сосланы 9 участников восстания: Станислав Кракув, Казимир Цельт, Владислав Заповольский, Максимилиан Водзыньский, Ярослав Свиртун, Витольд Оскерко, ксендз Юзеф Бужиньский и другие. В 1864 году к ним прибавился Винцент Журавский, еще в 1861 году отчисленный из Санкт-Петербургского университета «за связь с неблагонадежными лицами» и отправленный в ссылку, а затем и еще несколько участников восстания 1863 года. В это же время в Усть-Сысольске отбывал ссылку Порфирий Войнаральский, одна из самых ярких фигур в усть-сысольской колонии ссыльных*.

* ВОЙНАРАЛЬСКИЙ ПОРФИРИЙ ИВАНОВИЧ (1844–1898) – видный революционер-народник. В 1861 г. был исключен из Московского университета за участие в студенческих беспорядках, в 1862 г. арестован и выслан в Глазов Вятской губ., откуда в июне того же года переведен в Усть-Сысольск, в марте 1863 г. – в Яренск, затем в Вельск, Пинегу и Мезень. Освобожден из ссылки в 1868 г. В 1873 г. организовал революционный кружок в Пензе, в 1874 г. стал одним из главных организаторов «хождения в народ». Арестован в августе 1874 г. На процессе по делу о революционной пропаганде 1877–1878 гг. («процесс 193-х») был одним из главных обвиняемых, приговорен к 10 годам каторги. В 1883 г. переведен на поселение в Якутскую губ. В Европейскую часть России вернулся только в 1897 г. Попытка создать новую революционную партию, но во время одной из поездок скоропостижно скончался.

Некоторые из них отошли от революционной борьбы (а М.Водзыньский и вовсе сотрудничал с полицией и стал провокатором), но большинство от своих взглядов и в ссылке не отказывались, занимались самообразованием, вели активную переписку (разумеется, тайную) со своими единомышленниками. Однако в Усть-Сысольске революционной пропагандой среди «широких народных масс» они не занимались и вообще с «простым народом» не общались.

Местное «благородное общество» вполне благожелательно приняло ссыльных – поляки были людьми образованными и воспитанными, слыли хорошими танцорами и певцами, а Станислав Кракув увлекался диковинной в то время фотографией и бесплатно снимал желающих, так что его можно считать первым усть-сысольским фотографом. Известно, что с поляками и Войнаральским был хорошо знаком коми поэт Иван Куратов (они даже жили в одном доме), и беседы с ними оказали определенное воздействие на его взгляды. Но знакомство это было недолгим – вскоре Войнаральский и некоторые из поляков были переведены в другие города (новый уездный исправник Ф.Кульчинский опасался, что они могут оказать «вредное влияние на молодежь»).

Однако выехали далеко не все – «польская колония» существовала в Усть-Сысольске до 1871 года. В то время в городе числились 34 ссыльных. Из них 13 отбывали ссылку «за кражу», «за укрыительство краденного», «за воровство и дерзость» и тому подобные проступки, а 21 были политическими. Все политические были поляками, за исключением бывшего стрелка лесной стражи Филиппа Степанова, отправленного в ссылку «за бытность в мятежной шайке, из которой явился добровольно», т.е. за участие в польском восстании. Впрочем большинство, но не все поляки были участниками восстания – некоторые были направлены в ссылку позднее с формулировкой «за участие в политических беспорядках» и «за неблагонадежность в политическом отношении» [12].

С отъездом поляков усть-сысольская колония ссыльных не прекратила своего существования – их место заняли новые высланные. По «Положению о мерах к охранению государственного порядка и спокойствия» 1881 года, срок административной ссылки за участие в революционном движении и по подозрению в антигосударственной пропаганде не мог превышать 5 лет, так что колония ссыльных постоянно обновлялась. Уездный исправник только и успевал рапортовать о прибытии и выбытии ссыльных. Кроме того, он имел право требовать досрочного перевода ссыльных в другое место, если считал, что они установили слишком тесные контакты с местным населением.

По «Положению о полицейском надзоре» 1882 года, ссыльные состояли под гласным надзором полиции, рассматриваемым властями «как мера предупреждения преступлений против существующего государственного порядка», учреждаемая «над лицами, вредными для общественного спокойствия». Уездный исправник и усть-сысольский

*Политссыльные
на строительстве
Вильгортского
тракта. 1910 г.*

полицейский надзиратель обязаны были следить за каждым шагом своих «подопечных», у которых при приезде отбирались документы и взамен выдавался временный вид на жительство. Ссылные должны были регулярно являться в полицию на отметку. Полиция имела право в любое время суток входить в квартиру ссыльного, производить обыски и досмотры. Но она же отвечала и за выплату ссыльным пособия (находившиеся под надзором полиции могли работать, но были существенно ограничены в выборе поля деятельности – они не могли состоять на государственной или общественной службе, заниматься преподаванием, читать публичные лекции, учреждать частные общества и компании и т.д.). Понятно, что полиция и ссыльные не питали нежных чувств друг к другу, что довольно часто порождало конфликтные ситуации.

В 70–90-е годы XIX века число политических ссыльных в Усть-Сысольске было невелико – от 5 до 12 человек. Но это были уже не те ссыльные, что раньше. В революционное движение втягивается разночинная молодежь, рабочие, крестьяне – выходцы из непривилегированных слоев. В 1877 году в Усть-Сысольск были сосланы руководители «Северного союза русских рабочих» Семен Волков и Дмитрий Смирнов, организовавшие «мастерскую металлических работ» и тем зарабатывавшие себе на пропитание. В 1886 году в усть-сысольской ссылке оказался один из организаторов знаменитой Морозовской стачки рабочих Василий Волков, однако прожил здесь совсем недолго – еще в тюрьме он заболел туберкулезом и в августе 1887 года скончался (похоронили В.С. Волкова на Кирульском кладбище). Понятно, что городское «благородное общество» таких ссыльных в свои ряды не принимало, а мещане их опасались и контактов не поддерживали – все-таки государственные преступники [13].

Ситуация меняется в начале XX века. Российская империя переживает далеко не лучшие времена. Оппозиция государственной власти становится очень широкой, затрагивая самые разные слои общества. Происходит новое организационное оформление радикального крыла оппозиции – формирование нелегальных организаций, ориентированных на свержение монархии. Власть предпринимает ответные шаги – более широко применяют репрессивные меры, усиливают полицейскую власть, в том числе и в провинции. В 1906 году при полицейских урядниках и станковых приставах создается полицейская стража, некое подобие «команды быстрого реагирования», призванной оказывать помощь полиции в охране общественного спокойствия. В нее записывали исключительно запасных нижних чинов по рекомендации от воинских частей, где они проходили действительную службу.

В Усть-Сысольском уезде в 1910 году полицейская стража состояла из 40 человек (15 конных и 25 пеших стражников), в том числе 18 отставных унтер-офицеров и 22 рядовых. Она набиралась из жителей уезда, но размещалась в Усть-Сысольске. Три стражника были откомандированы в села Усть-Кулом и Богородск в помощь урядникам, а остальные выполняли «чисто полицейские обязанности» в городе, в том числе охраняли казначейство и почтово-телеграфную контору, а также сопровождали почту до Яренска, когда с ней «следовала более значительная сумма денег».

По указанию «свыше», и в больших городах, и в провинции начинает создаваться широкая сеть «наблюдающих» из благонадежных граждан (в основном из отставных унтер-офицеров и рядовых, а также из низших чиновников). Согласно «Инструкции для наблюдающих», составленной Департаментом полиции, им вменялось в обязанность «следить не только за лицами, отданными

под надзор полиции, но и за всеми их родственниками, товарищами и знакомыми, а равно и за всеми гражданами, которые своим поведением навлекают подозрение», докладывать о сходках, собраниях, митингах, предполагаемых забастовках, для чего «посещать... гуляния, сады, театры, маскарады и другие увеселительные места, а также библиотеки, собрания, публичные лекции и все места, где бывает скопление народа», наблюдать за местами, где может появиться «незаконная продукция», – типографиями, фотографиями, книжными магазинами, а также следить за «появлением вновь тайных заведений».

В Усть-Сысольске наблюдатели-«совместители» находились в подчинении полицейского надзирателя. Первые наблюдатели были наняты в 1906 году, когда стало быстро расти количество политссыльных. В начале апреля их было 4, а в конце – уже 11. К началу 1909 года число наблюдателей возросло до 20, и за каждым была закреплена группа в 5-6 политссыльных. А уж за местами «скопления народа» и «подозрительными» учреждениями (благо, их в Усть-Сысольске было немного) они следили по собственной инициативе. Работа, конечно, не очень уважаемая, но ведь и не хлопотная, а за свое «общественное служение» наблюдатели получали жалованье и премиальные («особое вознаграждение») за ценные сообщения и задержание подозрительных лиц.

В начале XX века в Усть-Сысольске появился жандармский пост Вологодского губернского жандармского управления в лице унтер-офицера «дополнительного штата». В его компетенцию как раз и входило наблюдение за политической благонадежностью граждан, пресечение антиправительственной деятельности, в том числе и политических ссыльных. Бывало и такое: в 1912 году жандармский унтер-офицер Хомутинников «в исполнение личного приказа» уездного воинского начальника составил «список состоятельных лиц города Устьсысольска, которых не были украшены дома национальными флагами в день Тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича 6 декабря». В список проштрафившихся попали тюрьма, общественное собрание, а также 28 весьма уважаемых граждан Усть-Сысольска, в том числе три священника (в их числе и протоиерей Александр Малевинский), купцы И.М.Суворов, Д.М.Оплеснин, И.Т.Камбалов, В.П.Оплеснин, бывший городской голова А.Е.Суханов, секретарь Земской управы и многолетний гласный городской думы В.А.Тентюков, владелец типографии З.Д.Следников и другие [14].

В первые годы XX века у полиции вроде бы не было повода для особенного беспокойства. Колония политических ссыльных в Усть-Сысольске по-прежнему была небольшой. В 1903 году она насчитывала 19 человек, из них 4 были членами «Южно-Российского союза рабочих», 2 были сосланы за «распространение социал-демократических идей», 4 – за агитацию среди рабочих и распространение революционных прокламаций,

Политссыльные в Усть-Сысольске.
Стоят слева направо:
Жгенти, Шкирятов, Максимов

2 – за «принадлежность к противоправительственным сообществам и распространение преступных сочинений», 1 – за революционную агитацию среди крестьян. Однако эти ссыльные были значительно активнее своих предшественников. К примеру, много хлопот полиции доставляли член «Северного рабочего союза» Ф.В.Щеколдин, ведший в ссылке активную конспиративную переписку, видный социал-демократ А.К.Гастев, много сделавший для сплочения ссыльных в борьбе за свои права и организовавший несколько коллективных акций протеста. Власти были вынуждены расселить колонию ссыльных по другим городам. В итоге в декабре 1904 года в Усть-Сысольске осталось всего 5, в январе 1905 года – 8 политссыльных, а к лету того же года все они покинули Усть-Сысольск.

Бурные революционные события 1905 года Усть-Сысольск почти не затронули. Лишь однажды, в июле, возникла весьма неприятная для полиции ситуация. В Усть-Сысольске скопилось почти 800 призванных из запаса нижних чинов (шел последний месяц крайне неудачной для России войны с Японией). Полиции стало известно о росте среди них антиправительственных настроений, да к тому же вскоре выяснилось, что кто-то распространял среди солдат социал-демократические и эсеровские прокламации (полиция задержала четырех человек, но доказать их вину не смогла). Солдаты грозились разгромить городские лавки и разогнать полицию, а кое-кого и «пристукнуть» за слежку. Исправник Сорохтин срочно сообщил в Вологду о том, что он «опаса-

ется беспорядков и чувствует себя бессильным». Но все обошлось – солдат отправили к месту назначения и в городе опять стало спокойно.

Однако «благодаря» революционным событиям в Усть-Сысольске вновь появились политические ссыльные, причем число их стало стремительно увеличиваться. Первые 6 человек, сосланные за участие в аграрных беспорядках, прибыли в марте 1906 года. В апреле политссыльных было уже 20, а к концу года – 70. К началу 1909 года в Усть-Сысольске числилось 445 поднадзорных и еще 45 «ожидались к прибытию» (правда, 72 человека находились в «самовольных отлучках»). Из них 199 человек были политическими ссыльными. В конце 1908 года колонии ссыльных провели анкетирование с тем, чтобы составить представление о российской ссылке. В Усть-Сысольске на вопросы анкеты ответили 300 из 456 поднадзорных. Из них 90 человек отнесли себя к социал-демократам (еще 10 – к сочувствующим социал-демократам), 75 – к эсерам (40 человек назвали себя сочувствующими этой партии), 7 – к максималистам, 7 – к анархистам, 22 – к Польской партии социалистов, 2 – к сионистам-социалистам, 37 – к беспартийным и 10 человек не ответили на вопрос о партийной принадлежности [15].

Для усть-сысольской полиции наступили тяжелые дни. На одного полицейского приходилось около 40 ссыльных, из них почти 20 – политические! Жизнь ссыльных была нелегкой. На их содержание отпускалось всего 2 руб. 70 коп. в месяц. Этих денег не хватало даже на хлеб. Впоследствии пособие было увеличено сперва до 7 руб. 70 коп., а затем до 8 руб. 30 коп. (дворяне и учащиеся получали 11, а те, кто жил с семьями, – до 20 руб.), но и этой суммы было недостаточно даже для скромной жизни. Тяжелые условия жизни порождали недовольство ссыльных. Они открыто вступали в конфронтацию с полицией. В июне 1906 года более 40 поднадзорных явились в полицейское управление и потребовали увеличения «кормового довольствия» и немедленной выдачи одежных денег, пригрозив массовым выездом из Усть-Сысольска. Исправник просто растерялся – остановить ссыльных он не мог, а денег в полицейском управлении не было (уездный исправник каждый месяц направлял список ссыльных с указанием сумм, положенных на их содержание, в канцелярию Вологодского губернатора, откуда ежемесячно и поступали деньги). На его счастье, деньги из Вологды срочно прислали.

Уследить за такой большой колонией ссыльных полиция, даже с помощью наблюдающих, была не в состоянии. Ссыльные селились большими группами «на квартирах» на городских окраинах и в пригородных местечках (Кируле, Изкаре, Нижнем Конце, Тентюково) – так было и дешевле, и удобнее. Фактически в разных концах города создавались сплоченные группы единомышленников. Причем политссыльные вовсе не собирались отказываться от революционной пропаганды. В городе появились социал-демократические и эсеровские прокламации (как потом

выяснилось, они печатались на гектографе, хранившемся в имении купцов Кузьбожевых в Човью). 25 июня 1906 года в Усть-Сысольске прошла демонстрация ссыльных, прошедших по городским улицам с пением революционных песен. Уездный исправник потребовал «немедленно разойтись и прекратить пение», но его никто слушать не стал, а силой разогнать демонстрацию он не решился (при малочисленности городской полиции это еще неизвестно чем могло кончиться). Исправник просил губернское начальство расселить наиболее активную часть ссылки по другим городам и селам. Узнав об этом, 55 человек явились в полицейское управление, оттеснили караул, вломились в кабинет исправника и заявили, что не допустят высылки своих товарищей. И вновь власти были вынуждены уступить.

В Усть-Сысольске появляются образованные ссыльными отделения партий. В 1905 году сложилась Усть-Сысольская окружная организация социалистов-революционеров (эсеров), активными участниками которой были Н.В.Лодыгин, К.И.Бучинский, Ш.Г.Золенштейн, Г.П.Крошка, Н.М.Владимиров и другие. К 1907 году в ссылке в Усть-Сысольске оказалось довольно много активных членов РСДРП (большевиков), объединившихся в партийную группу. Костяк Усть-Сысольской группы РСДРП составили опытные революционеры А.П.Комлев, П.А.Камерон, А.И.Догадов, Е.И.Руднев и другие. В 1907 году объединились в группу политссыльные поляки – члены Польской социалистической партии. Эти группы поддерживали отношения с центральными партийными комитетами, проводили нелегальные собрания, печатали и распространяли прокламации, организовывали кружки. Полицейские власти, благодаря работе осведомителей, знали довольно много о деятельности этих групп, не раз проводили обыски, дознания, аресты, приводившие к временному прекращению их деятельности. Но полностью справиться с организациями политссыльных они были не в состоянии.

Немного полегче полиции стало после 1910 года, когда число ссыльных стало сокращаться – кто-то отбыл ссылку, кто-то был переведен в другие места. В 1913 году политическая ссылка в Вологодскую губернию вообще была прекращена. В итоге в 1914 году в Усть-Сысольске осталось 11 политссыльных, а к началу 1915 года их было всего четверо, да и те вскоре выехали [16]. В 1916 году политссыльных в Усть-Сысольске уже не было. Но политическая ссылка не могла пройти бесследно для местного населения. Да и оставшиеся ссыльные продолжали вести пропагандистскую работу.

Полиция больше всего опасалась, и не без оснований, влияния ссыльных на молодежь. Полностью пресечь такие контакты она не могла хотя бы потому, что ссыльные вели работу «на дому». Кроме того, молодые люди, интересующиеся революционными идеями, посещали занятия в кружках, организованных ссыльными. В декабре 1911 года на одном из таких собраний были задержаны три гимназистки, которых затем исклю-

чили из гимназии. И это далеко не единственный случай связей учащихся и учителей с ссыльными революционерами. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях Иван Григорьевич Коюшев*, в то время ученик Усть-Сысольского высшего начального училища, живший в одном доме со ссыльным Стоговым, от которого он, по собственному признанию, многому научился (позднее по требованию жандармского унтер-офицера Ивану Коюшеву пришлось поменять квартиру: учащимся жить в одном доме с политссыльными не разрешалось):

«Недалеко от моей квартиры, по соседству у Базовых, тоже постоянно жили политссыльные. Там жил мой соученик Коля Попов и я часто бывал у них. У Базовых сын учитель и две дочери – невесты. К ним постоянно ходила молодежь и собирались политссыльные. Здесь по вечерам и по праздничным дням было оживленно и велась интересные разговоры. Здесь я впервые узнал о Великой французской революции, о Парижской коммуне, более полно, ярче и конкретнее о революции в России в 1905–1907 годах, о многих передовых русских людях, преследовавшихся и преследуемых царской властью...

Политссыльные, где бы они не находились, везде вели политическую работу среди местного населения, подрывали доверие к царизму и готовили народ к революции. В г. Усть-Сысольске особым их вниманием пользовались учащиеся, наиболее восприимчивые к революционным идеям. Мужская гимназия ... целиком находилась под влиянием эсеров...

Под влиянием большевиков были высшее начальное (городское) училище, ремесленная школа и часть гимназисток, выходцев из крестьян. В высшем училище, начиная с третьего класса, образовался кружок единомышленников. Наш одноклассник – горожанин Саша Забоев, серьезный, вдумчивый парень, связанный с большевиками, тайно приносил подпольную литературу и, строго соблюдая конспирацию, давал читать своим надежным одноклассникам... А тетради, в которых были собраны революционные песни и частушки, были почти у всех учеников. Эти песни мы заучивали и по вечерам, в сумерках ходили по городу и нарочно громко распевали, дразня полицию» [17].

Однако к тому времени, когда выехали политссыльные, у полиции уже появилась новая «головная боль». Шла первая мировая война. Тогда она официально именовалась Второй Отече-

ственной. Но патриотический подъем первых месяцев быстро сменился разочарованием. Полиция совместно с уездным воинским начальником и его командой обеспечивала призыв ратников первого и второго разрядов (запасных нижних чинов). В Усть-Сысольске был сборный пункт для призванных со всего уезда. В начале августа 1914 года, когда мобилизация только началась, в городе скопилось более 4 тысяч призванных в армию, возникла очень опасная ситуация – малочисленная полиция была не в состоянии контролировать огромную возбужденную толпу (тут ведь без выпивки не обошлось). Начались беспорядки, столкновения с полицией. Дошло до того, что последней пришлось стрелять. Слава Богу, обошлось без убитых, но раненые были и с той, и с другой стороны.

А вскоре после начала войны у городской полиции появились новые «подопечные». Административных ссыльных сменили высланные в Усть-Сысольск интернированные германские и австро-венгерские подданные, проживавшие в Российской империи. В Усть-Сысольском уезде их было 309, причем около половины проживали в Усть-Сысольске. На август 1917 года список интернированных по Усть-Сысольску включал 148 человек (некоторые были высланы с семьями). Большинство из них, люди мастеровые, устроились на работу. Некоторые даже свои мастерские открыли, но большинство работало по найму у местных купцов. Это, конечно, не политические ссыльные, но по понятным причинам быть довольными своим положением у них оснований не было. Так что без конфликтов не обошлось, и кое-кто из интернированных «за оскорбление власти» был вынужден познакомиться с порядками усть-сысольской тюрьмы.

Весной 1916 года немецко-австрийская колония Усть-Сысольска существенно пополнилась – в город прибыли 78 военнопленных, в том числе 63 офицера австро-венгерской армии. В феврале 1917 года в Усть-Сысольск прибыла колонна из 500 военнопленных. Под городом для них построили специальный лагерь. Военнопленные и интернированные покинули Усть-Сысольск уже после крушения Российской империи, когда начиналась гражданская война [18].

Война резко ухудшила экономическую ситуацию. Многие семьи, оставшись без кормильцев, вынуждены были «потуже затянуть пояса». К тому же на многих мещанских хозяйствах очень болезненно сказались реквизиции для нужд армии лошадей и скота. Да и налоги и повинности возросли. Кому это могло понравиться? Довольно скоро стали ощущаться перебои с поставкой продовольствия. Голод Усть-Сысольску не угрожал, но цены на основные продукты питания, прежде всего на хлеб, стали расти. Перебоями в поставках продовольствия пытались воспользоваться и местные предприниматели, в том числе уже известный нам солидный купец И.П.Комлин. Уездный исправник был вынужден подать на него рапорт, и в результате многоуважаемый Иван Платонович по приказу главнокомандующего Вологод-

* КОЮШЕВ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ (1901–1993) – уроженец с.Додзь, в 1913–1917 гг. – ученик Усть-Сысольского высшего начального училища. Член КПСС с 1918 г., участник гражданской войны, в 1929–1930, 1933–1935 гг. – председатель Коми облизполкома, член ВЦИК. В 1937 г. репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.

ской губернией (губернатора военного времени) целый месяц провел в усть-сысольском тюремном замке, членом попечительского совета коего он состоял. Одним словом, последние годы в истории усть-сысольской полиции были весьма тяжелыми.

Расскажем и о местах лишения свободы. Таковых в Усть-Сысольске второй половины XIX – начала XX веков было два, не считая арестного помещения при полицейском участке. С появлением земств на них было возложено и содержание земских арестных домов. В них содержались арестованные за преступления, подпадающие под компетенцию мировых судов. В Усть-Сысольском уезде было три земских арестных дома – в Визинге, Усть-Куломе и Усть-Сысольске, причем последний был самым «посещаемым». Находился он в наемном частном доме (в Визинге и Усть-Куломе для содержания арестантов были построены специальные дома за счет земских средств) и был рассчитан на 10 «посадочных мест». Количество содержащихся в нем арестантов в разные годы изменялось от 50 до 150, но большинство из них надолго в этом не очень гостеприимном месте не задерживались. Так, в 1906 году в Усть-Сысольском земском арестном доме содержался 71, а в 1911 году – 137 человек, и провели они за решеткой в общей сложности соответственно 722 и 967 дней (в среднем на одного человека – 10 и 7 дней) [19].

Другое дело – Усть-Сысольский тюремный замок (уездная тюрьма). Новое деревянное на каменном фундаменте здание тюрьмы было построено в 1865 году и благополучно простояло более пятидесяти лет. Находилось оно на Юго-Загородной, там, где она пересекалась Спасской и Набережной улицами, фактически уже за городскими кварталами. Это было довольно скромное по своим размерам учреждение – оно было готово «гостеприимно» принять всего 25 «постояльцев», разместив 5 из них в одиночных и 20 – в общих камерах. О его площади можно судить по такому факту: тюремная стена по периметру имела длину всего 98 сажень (примерно 209 метров). В 1904 году при тюрьме, но за пределами тюремного забора, была построена небольшая деревянная Богородицкая церковь.

В начале XX века тюрьму пришлось расширить, пристроив еще один корпус. Число мест возросло до 47, а затем 54 – более чем вдвое. Да и вообще порядком обветшавшие тюремные постройки требовали ремонта. В 1909 году начальник тюрьмы докладывал, что «ограда вокруг тюрьмы деревянная бревенчатая приходит в ветхость и местами грозит падением». Удивительно, что при такой оgrade и малочисленной охране вся тюрьма не разбежалась! Впрочем, побеги все же были. В июне 1909 года трое заключенных бежали «во время прогулки во дворе, через тюремную ограду». Двоих вскоре поймали, а третий, местный житель, скрылся. Но этот побег – действительно случай крайне редкий.

Любая тюрьма – не дом родной, и Усть-Сысольский тюремный замок тоже мало напоминал

курорт. Но справедливости ради надо сказать, что дурной славы в сравнении с другими российскими местами заключения усть-сысольская тюрьма не имела. В Усть-Сысольске, как и в других российских городах, имеющих тюремные замки, был создан общественный тюремный комитет, не только контролировавший условия содержания заключенных, но и оказывавший тюрьме разнообразную помощь (тюремная церковь, к примеру, была построена на средства, собранные комитетом, и при финансовой поддержке земства). Жалоб на питание и условия содержания из заключенных не поступало. При тюрьме имелась небольшая библиотека, «имеющая целью», как и церковь, «нравственное влияние» на сбившихся с пути истинного. Заключенные имели возможность заниматься различными ремеслами (это даже поощрялось) и тем самым зарабатывать немного денег. В ежегодно составляемых «Ведомостях о ходе арестантских работ и о вырученных от работ доходах» отмечалось, что среди заключенных были занимавшиеся сапожным, портняжным, кузнечно-слесарным промыслами. Примерно половина заключенных привлекалась к выполнению различных «внутри тюремных» работ (в основном связанных с ремонтом зданий и уборкой территории).

Долгое время в Усть-Сысольской тюрьме пребывали только местные жители, находившиеся под следствием и отбывавшие отведенный им судом срок заключения. Например, во второй половине 1881 года в тюрьме содержалось ежемесячно от 16 до 23 человек, в том числе от 2 до 8 следственных. По данным на начало 1882 года, в тюрьме обитали 28 человек (20 мужчин и 8 женщин), в том числе 17 – «для выдерживания срочного времени» (сроки заключения за незначительные преступления), 1 – за нанесение увечий, 4 – за убийство, 4 – за кражу, 1 – беспаспортный и 1 – по неясной причине.

Но бурные события начала XX века и связанный с ними рост числа осужденных, причем как политических, так и уголовных, отразились и на деятельности провинциальных тюрем, в том числе и Усть-Сысольской. Число ее невольных обитателей, причем самых разных категорий, значительно возросло, что, собственно, и послужило причиной расширения тюремного замка. Возьмем, к примеру отчеты о числе арестантов за 1909 год: на начало года в Усть-Сысольском тюремном замке содержались 52, на конец – 53 человека, в том числе 8 – из других губерний и уездов. В их числе (на начало года) – 19 состоящих под судом и следствием, 26 «отбывающих наказание в сем месте», 1 осужденный к ссылке в Сибирь и 6 осужденных к заключению в исправительное арестантское отделение (две последние категории – временные «насельники», следовавшие к местам отбытия наказания). Всего же за год Усть-Сысольскую тюрьму не по своей воле посетили 256 человек, через нее проследовало 59 ссыльных и пересыльных. Среди отбывавших наказание были и женщины с детьми [20].

Усть-Сысольский тюремный замок – едва ли ни единственное «казенное» учреждение, сохраненное в неизменном виде и после революции. Увы, но без тюрьмы ни одна власть обойтись не может. Только она поменяла название – стала домом заключения, а затем Сыктывкарской тюрьмой № 1.

6.2. «Меры предосторожности от пожаров»

С незапамятных времен устьсысольцы боролись с пожарами своими силами. Еще в XVIII веке были изданы многочисленные постановления, предписывающие соблюдение «мер предостережения от огненной опасности» (строительство домов на определенном расстоянии, размещение государственных учреждений в каменных домах, регулярная прочистка печных труб и т.д.). К примеру, в примечаниях к плану застройки Усть-Сысольска 1783 года горожанам было предписано «делать брандмауэры от кровли не ниже аршина». Между домами в целях противопожарной безопасности устанавливался минимальный интервал в 5 саж. (примерно 10,5 м.). Администрация имела право сломать дом, если между ним и любым строением было меньшее расстояние (правда, до этого ни разу дело не доходило) [21].

С преобразованием Усть-Сысольска в город и появилось лицо, отвечающее за борьбу с огненной стихией. Таковым, как мы знаем, был городничий. В «Учреждении для управления губерний» была специальная статья «О осторожности от пожара», согласно которой:

«Городничий властен подтвердить единожды о прилежнейшем смотреии каждому хозяину, чтоб крайняя везде осторожность наблюдаема была в домах от огня и пожара. Буде же [от чего Боже сохрани] учинится в городе пожар, то городничий долженствует сам на месте делать всевозможные распоряжения к тушению и погашению пожара, и обывателей заставит приложить о том старание» [22].

Нетрудно заметить, что городничий должен был исполнять обязанности пожарного инспектора, то есть следить за противопожарной безопасностью, а в случае пожара лично возглавить борьбу с огнем. Ему на помощь обязана была поспешить возглавляемая им городская полиция, заодно исполнявшая и обязанности пожарной команды (она так и называлась – «полицейская и пожарная команда»).

Разумеется, не могла остаться в стороне и городская дума. Во-первых, она вместе с городничим бдительно следила за соблюдением норм противопожарной безопасности (надо заметить, без особого успеха); во-вторых, выделяла деньги из городского бюджета на содержание пожарной команды (то есть полиции) и ее материальное обеспечение (весьма показательное разделение – пожарная команда находилась в ведении государственного чиновника, а оплачивалась

горожанами); в-третьих, организовывать городских обывателей в помощь доблестным пожарникам для более эффективной борьбы с огнем.

Последнее делалось чрезвычайно просто: с помощью мещанского старосты составлялись списки городских домовладельцев с указанием, кто какие пожарные инструменты (топоры, ведра, лопаты, багры) должен иметь, а городская дума наблюдала, чтобы они находились «при домах обывателей в исправности». В 1838 году, например, все горожане были обязаны изготовить и повесить на свои дома таблички с указанием «хозяина и номера для того, чтобы они знали, с чем являться на пожары».

А в 1848 году Министерство внутренних дел и вовсе распорядилось создать в городах «обывательские караулы» для стережения от пожаров, в которых по очереди должны были участвовать все жители (а за неявку – штраф). Следить за добросовестным исполнением караульных обязанностей должен был специальный пожарный староста [23]. И не важно, кто ты – купец, обремененный государственными заботами чиновник или простой обыватель-землепашец, – заступай в караул, а если в городе что-то загорелось, то хватай положенный тебе багор или топор, беги к «очагу возгорания» и вступай в борьбу с огнем. Такая «сборность» была вполне оправданной, поскольку в деревянном городе даже возгорание какого-нибудь полуразвалившегося сарая, если вовремя не принять меры, могло привести к большой беде. Ревностность горожан в борьбе с огнем объяснялась еще и тем, что особенно рассчитывать на пожарных им не приходилось, поскольку, по крайней мере в первой половине XIX века, пожарная служба была чрезвычайно слаба.

Только в 1813 году городская дума сделала первый шаг к созданию в Усть-Сысольске специальной службы борьбы с огнем: был нанят трубочист (он обслуживал только «общественные здания», за что и получал 25 руб. в год) и мещанин, обязанный «когда делается тревога с поспешностью мчаться на двух собственных лошадях с инструментом на место пожара». Это было «мощное подкрепление» тем пяти полицейским служителям, которые нанимались и оплачивались «городским обществом».

Для того чтобы нанятому мещанину было с чем «без промедления мчаться» на пожар, пришлось обзавестись и пожарным инвентарем. Впрочем, кое-что из «огнетушащих инструментов» имелось еще с догородских времен – это «пожарная труба» (ручной насос) «малая ветхая, коя стоит 65 рублей, ... 4 ухвата и 4 багра, кои существуют с открытия города, стоящие сколько неизвестно». В 1816 году городские власти прикупили в Петербурге еще одну «пожарную трубу», что с провозом обошлось им в 428 рублей. В бюджете появляется статья расходов «на содержание огнетушащих инструментов» и сарая для хранения оных. В 1813 году на эти цели было выделено 25 рублей, которые, впрочем, пошли на оплату перевозки данного «инструмента». А в 1814–1816 годах «содержание и починка пожарных орудий со всеми способ-

Спаская улица. Справа – пожарная каланча

ствующими к оному предметами» обошлась городу в 803 руб. 82 коп. (более половины этой суммы «съела» новая пожарная труба, а почти весь остаток – наем лошадей).

Даже прижимистые «отцы города» понимали, что с таким «мощным» инструментарием вряд ли можно рассчитывать на победу в борьбе с «огненной стихией» и надо что-то предпринимать для его улучшения. Тем более, что в 1818 году Александр I распорядился, «чтобы в каждом городе был при полиции брандмейстер и при нем два ученика, знающие починку и обращение с машинами», а городам предписал «определить количество пожарных инструментов, обозов, лошадей и фурманов, кои состояли бы в полном ведении полиции», то есть городским властям прямо было указано на необходимость создания профессиональной пожарной службы и улучшения ее материального обеспечения.

Распоряжение насчет брандмейстера и его учеников городская дума тихо проигнорировала. А вот новое оборудование пришлось понемногу прикупать. В 1823 году пожарная служба уже имела в своем распоряжении три пожарные трубы, три пары лошадей, сарай для инструментов и каланчу (соответственно и расходы возросли до 100 с лишним рублей). Из всего этого хозяйства городу принадлежали инструменты и сарай с каланчой, а лошадей с повозками и возчиками дума, как и прежде, нанимала по подряду с торгов (но все это хозяйство находилось в распоряжении полиции) [24].

Впрочем, вскоре городская дума посчитала, что трех пар лошадей многовато, и стала нанимать две. В 1839 году «на наем 2-х пар лошадей для возки пожарных инструментов» было выде-

лено 344 руб. 7 коп., и еще 59 руб. 70 коп. ушло на «отопление, освещение и содержание пожарного сарая с каланчой». В 1843 году на «ремонт пожарных инструментов и на наем 2-х пар лошадей с ямщиками» дума потратила всего 128 руб., а на «отопление и освещение пожарного сарая» – 17 руб. 14 коп., в 1846 – соответственно 110 и 22 рубля. Но не надо думать, что городская дума существенно снизила расходы на борьбу с пожарами и тем самым проявила равнодушие к нуждам «городского общества». Во все годы эти расходы составили примерно 6% расходной части городского бюджета*. И в 40–50-е годы XIX века на содержание пожарной части тратилась примерно одинаковая сумма – 120–150 рублей (впрочем, бывало, что, когда пожарные инструменты не требовали ремонта, она сокращалась до 60–70 руб.) [25].

Между прочим, неоднократные проверки показали, что «пожарные инструменты содержатся в исправности», а меры «бережения от огня» более или менее соблюдаются. Пожары в Усть-Сысольске, конечно, случались – вспомним, что в разные годы сгорели здание городской думы и дом, где помещалось городническое правление. В 1848 году в местечке Кируль сгорели 11 домов, а вместе с ними и Никольская церковь. Но пожар в Кируле, пожалуй, остался самым крупным из известных за всю историю города. По отчетам городничего, в иные годы (например, в 1836 и 1838 годах) вообще не было пожаров, в иные –

* В 1839–1843 гг. была проведена денежная реформа, одним из элементов которой было восстановление серебряной валюты, в результате чего рубль существенно подорожал.

горело по одному-два дома. Конечно, случалось, что число пожаров было и больше (к примеру, в 1839 году – четыре). Но следует признать, что для такого «пожароопасного» города, как Усть-Сысольск, их было относительно немного. Чаще горели слободки и пригородные деревни. К примеру, большой пожар случился в марте 1851 года в Кочпоне – сгорело больше половины домов. Однако это была негородская территория, и городничий за ее «бережение» не отвечал [26].

Вероятно, в конце 50-х годов XIX века городские власти все же создали отдельную от полицейской пожарную команду (но подчинялась она, как и полицейская, городничему). На это указывает то, что в документах эти команды различаются («полицейская и пожарная команды»), а в городском бюджете появляется отдельная статья «на содержание пожарной команды» (без учета затрат на наем лошадей и содержание пожарного обоза), по суммам сопоставимая с содержанием полицейских чинов. Например, в 1859 году на эти расходы было выделено 301 руб. 90 коп., а в 1860 году – 215 руб. 25 коп. В итоге общие расходы на содержание пожарной службы значительно возросли и превысили 500 рублей в год.

Однако просуществовала эта пожарная команда недолго. Реорганизация полиции в 1862 году привела и к ликвидации «полицейской» пожарной команды. По приказу Вологодского губернатора, пожарные команды в городах были распущены, запрещены расходы на наем лошадей, а обязанности борьбы с огнем возложены на население [27]. Не очень понятно, чего власти хотели этим добиться. Расходы, конечно, сократились, но не государственные, а городские. Зато противопожарная безопасность явно проиграла.

«Городовое положение» 1870 года вменяло в обязанность городскому общественному управлению «принятие мер предосторожности против пожаров и других бедствий». Городская дума должна была издать, в числе прочих, «обязательное для городских жителей постановление» «об устройстве кровель и об устройстве, чистке и осмотре дымовых труб и печей, и вообще о мерах предосторожности против пожаров», причем разработать все эти обязательные постановления она была обязана «совместно с полицейской и административной властями, на обязанности коих лежит сохранение общественного благоустройства и благочиния». Наблюдение же за исполнением обязательных постановлений и принятие «возложенных на них в этом отношении мер» возлагалось на «полицейские чины» [28].

Усть-Сысольская городская дума ограничилась двумя обязательными постановлениями, принятыми в 1881 году, – «по предметам городского благоустройства» (о нем речь пойдет ниже) и «касательно мер предосторожности от пожаров». Эти документы прошли придирчивую проверку в губернском по городским делам присутствии и были утверждены губернатором только после неоднократных доработок. Правила противопожарной безопасности были согласованы с «временными правилами по предметам городс-

Пожарная каланча. Современный вид

кого благоустройства» (частей строительной и пожарной). Вот, к примеру, какие требования, вполне разумные, предъявлялись к городским строениям с целью предохранения их от пожара:

«1) Дома и все надворные постройки крыть по состоянию домовладельцев железом или тесом, но при том не употреблять березовой скалы.

2) Кровли устраивать более отлогие для скорого и свободного стока воды; на них должны быть прочные ступеньки, располагая их на жилых строениях от дымовой трубы до свеса крыши. Кроме того, у каждого жилого строения должна быть деревянная лестница.

3) Все печи и очаги как в деревянных, так и каменных строениях должны быть сложены в нижних этажах не с полу, а с земли или на каменных фундаментах; в верхних же этажах строений деревянных класть над печью нижнего этажа, а в каменных – на своды или стены... Перед кухонными очагами и всякого рода печами кроме русской прибавать к полу железные листы.

4) Сверх крыши дымовые трубы могут быть кирпичные, железные или чугунные, но до крыши устанавливать только кирпичные...

5) Печи и трубы содержать всегда в исправности, испортившиеся немедленно починить; топка печей имеющих сообщение с ветхими трубами воспрещается.

6) Чистка дымовых труб должна производиться в трактирных заведениях, буфетах, харчевнях и булочных не менее двух раз в

месяц, а в остальных заведениях и вообще в жилых помещениях не менее одного раза в месяц...

8) В кузницах, слесарнях и вообще в мастерских, по выходе из них рабочих – не оставлять огня не потушенным, а оставшийся в горнах и печах огонь непременно заливать. В заведениях этих постоянно иметь воду в кадке.

9) Запрещается курение табаку:

а) вблизи церквей на расстоянии от них не менее 20 саж.;

б) на соборной площади, на хлебной и сенной площадях, амбарах и на всем пространстве около этих помещений не менее 10 саж. в окружности;

в) в конюшнях, сеновалах, и вообще где складываются сено и солома, а также воспрещается бросать негашенные сигареты и папиросы как в этих местах так и на дворах домовладельцев...

Кроме того, хозяевам предписывалось не складывать сено, солому и дрова где попало, а обязательно в сараях, на сеновалах и под навесами, и так, чтобы те же дрова не прислонялись к стенам; легковоспламеняющиеся вещества (керосин, фосфор и другие) хранить только в кладовых. Весьма актуальными были позаимствованные из «пожарной части» «временных правил по предметам городского благоустройства» запрещения «ходить с зажженною лучиною или свечою без фонаря на чердаке, в конюшни, в сараи, в сеники, в кладовые, в погреба и другие домашние строения» и вменение в обязанность домохозяевам «чаще делать обход в своих домах, дабы видеть каждый ли исполняет отданные приказания в отношении к предосторожности от огня и внушать всем поступать с огнем осторожнее под опасением строгой ответственности» [29].

Проконтролировать выполнение правил противопожарной безопасности в части, касающейся требований, предъявляемых к строениям, в отличие от запретов на курение и хождение с лучиной, было несложно, но хлопотно. Зато заставить обывателей переделать крыши и печи, а тем более снести постройки, не отвечающие предъявленным требованиям, было практически невозможно. Поэтому полиция и городская управа проверкой выполнения обязательного постановления по противопожарной безопасности практически не занимались и штрафных санкций не применяли.

Однако «отмена» пожарной команды вовсе не означала, что городская дума должна ликвидировать все свое «пожарное хозяйство». Пожарное депо с каланчой по-прежнему содержались на средства города (правда, каланча была дряхлой и невысокой – с нее была видна только половина городской территории). Ежегодно в смету городских расходов закладывалась сумма на «ремонт пожарных инструментов и смазку колес» и на «отопление и освещение помещения для пожарных инструментов». Постепенно пополнялся и пожарный инструментарий. В 1889 году, к при-

меру, «предметы пожарного обоза» включали 5 пожарных труб, 8 бочек, 2 чана, 20 ведер, 4 паруса, 6 войлочных щитов, 3 лестницы, 17 багров и заступов и 17 топоров. На содержание обоза и депо с каланчей было израсходовано 802 руб. 24 коп. (около 10% расходной части бюджета, заметно больше, чем при старой думе).

Свой посильный вклад в дело борьбы с огнем решило внести и земство. Вообще-то оно больше заботилось о противопожарной безопасности сел и деревень, но не забывало и город. В 1887 году председатель Усть-Сысольской уездной земской управы купец А.М.Латкин, занимавшийся покупкой домов для размещения в них земских учреждений, доложил земскому собранию, что заодно купил и пожарную трубу, «так как в настоящее время Устьсысольское Земство имеет свои дома для помещения Управы и больницы, вследствие чего» крайне необходимо иметь собственное «орудие борьбы» с огнем [30].

В 1899 году городские власти озаботились тем, что ветхая пожарная каланча явно не отвечает своему назначению. Дума одобрила предложение городского головы купца И.П.Комлина построить новое каменное здание пожарного депо с башней для колокола (каланчой). Естественно, встал вечный вопрос: где взять деньги на строительство? В октябре 1899 года эта проблема была разрешена – в который уже раз выручило Усть-Сысольское уездное земское собрание, удовлетворившее просьбу городской думы о выделении займа в 3000 рублей с рассрочкой на 10 лет. В марте 1900 года городские власти заказали проект здания обоза с каланчой вологодскому архитектору И.И.Павлову, который вскоре и представил таковой в строительное отделение Вологодского губернского правления. Подряд на строительство получил самый известный местный мастер Н.Г.Кононов (тот самый, который построил здания ремесленной школы и духовного училища). Теперь можно было браться за дело. В мае 1900 года началась кладка фундамента, а в июне состоялась торжественная закладка здания. Об этом сообщила газета «Вологодские губернские ведомости»:

«18 июня состоялась закладка здания Городского пожарного депо и каланчи. Здание это устраивается заботами городского головы Комлина, при содействии местного земства, выдавшего городу беспроцентную ссуду в 3000 руб. на десять лет. Нужда в этом ощущалась давно: прежнее здание не отвечало своему назначению, во-первых потому, что город с каланчи виден был почти с одной стороны, так что, если случился пожар с другой стороны, мирные обывателям сами извещали пожарных о пожаре и последние прибывали, если не к окончательно сгоревшему зданию, то уже охваченному огнем во всей силе; и во-вторых, – многие из обывателей не слыхали звона набатного колокола, который кстати был чугунный и звон его походил на удары в чугунную доску сто-

рожа, охраняющего ночью городские торговые ряды. Все эти неудобства с устройством депо и каланчи будут устранены. На время постройки сказанного здания караул пожарных перенесен на Соборную колокольню, с которой обыватели и будут извещать о пожаре» [31].

Колокольня Троицкого собора почти полтора года «по совместительству работала» каланчей. Подрядчик Кононов со своей задачей справился: строго в срок в октябре 1901 года строительство первого этажа и наблюдательной башни было закончено. А со вторым этажом вышла заминка – деньги кончились. Только в марте 1907 года Кононов получил приглашение возобновить строительство. Второй этаж был достроен в 1908 году, но достался он не пожарной части, а уездному казначейству. Казалось бы, уж оно-то могло чувствовать себя в полной безопасности. Как бы не так! Как-то раз в казначействе «произошло загорание», так дозорные на каланче его не заметили – они отлично просматривали отдаленные части города, а что у них творится под ногами просто не видели! К счастью, «загорание» было небольшим, и его потушили своими силами. Правда, второй этаж пришлось ремонтировать за счет городских средств.

Пожарное депо с каланчей стало самым высоким гражданским зданием в городе (высота – 21 метр, включая 11-метровую башню). На башне установили часы, по которым сверял время весь город (карманные часы были большой редкостью, да и напольные были только в домах зажиточных горожан)*.

Но со сдачей объекта в эксплуатацию строительная эпопея вовсе не закончилась. Городская дума так и не расплатилась с земскою управой по займу. К 1910 году она перечислила только 1300 рублей. Дума попросила отсрочку на два года, ссылаясь на неурожай, «вследствии чего население вынуждено было заработать свои расходы на поддержание своего хозяйства», а городская управа вообще просила списать долг или по крайней мере подождать с его выплатой четыре года.

Интересно, что городская управа просила принять во внимание то, «что Городское Управление во всяких случаях неуклонно шло к солидарной деятельности с Земскою Управой по предметам соприкасающимся», хотя не раз отказывало земству в помощи (к примеру, в бесплатном выделении участков под строительство общественных зданий). Не убедило земство и то, что сэкономленную сумму «Городское Управление неминуемо потратит на улучшение пожарного обоза и на другие нужды городского хозяйства». Земское собрание в списании долга отказало, лишь разрешив отложить его на два года. Пришлось городу расплачиваться сполна, что и было сделано к 1914 году [32].

* Здание сохранилось (ул. Советская, 9). В 1970 г. оно было отреставрировано и перестроено по проекту архитектора А.Д.Ракина.

Однако возникает вопрос: а кто, собственно, должен был зорко следить с каланчи за тем, не горит ли какое строение, и, если таковая неприятность имела место, хватать имеющиеся в наличии «предметы пожарного обоза» и бороться с «огненной стихией»? По-видимому, более десяти лет после отмены пожарной команды все это проделывали сами горожане на общественных началах, а организовывала эту караульную службу городская управа. Но с конца 70-х годов XIX века в городском бюджете появляется статья расходов «на содержание двух пар лошадей с двумя рабочими при пожарных инструментах». Это означает, что в городе появляется общественная (то есть оплачиваемая городским обществом, а вовсе не бесплатная) пожарная команда. В отчете городской управы за 1889 год отмечалось: «Специальной пожарной команды хотя и не имеется, но необходимости в ней, можно сказать, не встречается, так как пожарный обоз ежегодно отдается по контракту одному лицу и это лицо, кроме обязанности иметь неотлучно в течении года двух пар лошадей, с двумя проводниками при обозе, на первый выезд, в случае пожаров представляет до 10 человек рабочих, обязанных по контракту являться каждый раз во время пожара с лошадьми. На каланче имеется постоянный обзор за безопасностью в городе». «Старший по обозу» получал из городской казны 144 рубля в год.

Для выпаса лошадей пожарного обоза городская дума даже выделила пожарной команде пастбище, а именно лужайки «общественного сада», разбитого в 1890 году. Территория, конечно, небольшая, зато исполняющие важную общественную службу пожарные россияне стали единственными, кому официально дозволялось пастись практически в центре города.

В 1897 году общественная пожарная команда состояла из старшего по обозу, 3 постоянных и 4 запасных ямщиков при 6 лошадях и 3 наблюдателей на каланче. На «содержание пожарных служителей, ремонт инструментов и содержание лошадей» было выделено уже 1380 рублей (в последующие годы сумма менялась, но неизменно составляла около 10% городских расходов). Одним словом, положительные сдвиги в борьбе с огнем имелись. Так ведь и результат был налицо – в 1897 году ни одного пожара не было [33].

Пожары, хотя и не каждый год, но все же случались (чаще в пригородных слободках). Однако Усть-Сысольску по-прежнему везло – ни одного большого пожара не было. А вот деревня Кочпон ровно через 50 лет после первого крупного пожара опять сгорела. В августе 1901 года огнем были уничтожены около 80 дворов, начальная школа и церковь. Своих пожарных в деревне не было, а из города они прибыть не успели – далековато, да и не городская это территория.

Дальнейшие благоприятные новации в пожарном деле совпали с наступлением нового XX века. Российские власти стали настойчиво требовать от властей даже маленьких городов идти в ногу со временем и улучшать организацию пожарного дела – переходить от сдачи в содержание

«пожарных обозов» по контракту к созданию постоянных общественных пожарных команд из вольнонаемных граждан (по существу, профессиональных). Городская дума разработала «Правила об устройстве Усть-Сысольской городской общественной пожарной команды» и штатное расписание, каковые 9 сентября 1903 года и были утверждены Министерством внутренних дел. Теперь по штату Усть-Сысольску полагалось иметь пожарную команду из старшего служителя, 6 служителей при 5 лошадях пожарного обоза (еще одна лошадь числилась «вне штата» для использования «на общественные городские нужды»). Пожарные состояли на жалованье, а лошади – на казенном пропитании. Вот каковы были правила устройства общественной пожарной команды:

«1. Для тушения пожаров в городе Усть-Сысольске Городская дума содержит городскую общественную пожарную команду из вольнонаемных служителей.

2. Состав пожарной команды и количество огнегасительных инструментов и лошадей определяется прилагаемым при сем штатным расписанием. Городской Думе предоставляется по мере потребности и средств увеличивать постоянно или временно состав команды и обоза сверх предусмотренных расписанием обязательных норм. Размеры содержания, выдаваемого чинам пожарной команды, устанавливаются Городскою Думою.

3. Пожарные служители принимаются на службу Городскою Управою по предварительном сношении с Начальником местной полиции. Увольнение пожарных служителей зависит от Городской Управы.

4. Пожарные служители носят форму утвержденною Губернатором образца.

5. Определенные штатным расписанием пожарные служители, лошади, а равно предметы обоза не могут быть употреблены ни на какие посторонние работы.

6. Заведование пожарной командой предоставляется Городскою Управою. Постоянное наблюдение за внутренним распорядком службы пожарных служителей, распределение между ними обязанностей и надзора за исправностью обоза относится в обязанности старшего служителя.

7. При действии на пожарах команда подчиняется распоряжениям Начальника местной полиции.

8. Начальнику местной полиции предоставляется во всякое время производить, с ведома Городской Управы, осмотры пожарной команды, а равно тревоги и смотры. О замеченных недостатках Начальник полиции сообщает Управе для их устранения.

9. Управа, чрез посредство уполномоченных на то лиц, наблюдает, чтобы пожарная команда постоянно удовлетворяла своему назначению для чего она возможно часто производит внезапные осмотры команды и обо-

за, проезду лошадей и наблюдает за обучением старшим служителям пожарных служителей приемам тушения пожаров. Наружные, за пределами пожарного депо, смотры и учения, за исключением проездов, производятся упомянутыми лицами не иначе, как по соглашению с начальником местной полиции относительно времени и места их производства.

10. За неисправное отношение к своим обязанностям пожарные служители могут, по определениям Городской Управы, быть подвергнуты денежным взысканиям в виде удержания из жалования, предельные размеры коих устанавливаются городскою Думою.

11. Сигнал для пожарной тревоги подается способом, устанавливаемым Городскою Управою, по соглашению с Начальником полиции».

К этому времени уже было построено новое здание пожарного депо с каланчой, и общественная пожарная команда приступила к несению службы. В 1914 году на ее содержание было выделено, как и раньше, примерно 10% расходной части бюджета, а именно 2669 руб.70 коп., включая зарплату пожарным служителям, расходы на покупку шубы и кепи для постового на башне (причем почему-то эти расходы были ежегодными, видно шубы быстро снашивались), покупку и содержание пожарных лошадей, ремонт и содержание обоза. Штатная численность пожарной команды была даже несколько больше нормы – старший по команде, 3 ямщика, 3 наблюдателя и 3 запасных ямщика [34].

Однако этой командой дело не ограничилось. Власти выступили с инициативой создания в России вольных (добровольных) пожарных дружин, а затем и добровольных пожарных обществ. Ждать, пока «городское общество» само «созреет» для создания вольной пожарной дружины, губернские власти не собирались, а посему поручили уездному исправнику «подтолкнуть» горожан к проявлению «добровольной инициативы» в этом благородном деле. Не тут-то было! Уездный исправник доложил в Вологодское губернское правление, что он и в 1900, и в 1901 годах пытался собрать «мещанское общество» с тем, чтобы оно «добровольно» создало пожарную дружину, но «общество», причем при явном попустительстве городской думы, упорно оказывалось, ссылаясь на неизбежные расходы, которые не по карману горожанам.

Тем не менее исправник своего добился, и уже в 1900 году появились первые добровольцы, в основном из купцов и чиновников (их по понятным причинам было легче «уговорить»), сделавшие денежный взнос «полицейскому надзирателю г. Усть-Сысольска на предмет учреждения в г. Усть-Сысольске вольной пожарной дружины». В 1902 году «список лиц, подписавшихся принять участие в учреждении в г.Усть-Сысольске вольной пожарной дружины», был уже весьма внушительным и включал 9 членов-охотников, 71 дей-

ствительного члена, 3 членов-жертвователей и 7 почетных членов (они уплатили по 25 руб.)*. Правда, в этих списках оказались 5 умерших и 18 выбывших из города, а многие из действительных членов так и не уплатили членские взносы [35].

В итоге все же появилась даже не дружина, а целое Усть-Сысольское добровольное пожарное общество. Был разработан и 30 апреля 1907 года утвержден «Устав Устьсысольского городского пожарного общества». Приведем два первых параграфа из этого многостраничного документа, определяющих цели и права этой новой общественной организации:

«§1. Общество учреждается с целью тушения пожаров и вообще противодействия пожарным бедствиям в пределах города Устьсысольска с пригородными слободами.

§2. Сообразно указанной в §1 цели, а равно в видах извлечения необходимых средств обществу предоставляется:

1. Право содержать пожарную команду...

2. Содержать особый отдел трубочистов для производства, по соглашению Правления общества с владельцами строений, очистки труб и дымоходов в казенных и частных зданиях за известную плату.

3. Иметь в районе его деятельности (§1) надзор за точным соблюдением обывателями установленных пожарных и строительных правил, причем, в случае усмотренного им нарушения сих правил, общество обращается к содействию местной полицейской власти для привлечения последнею виновных к законной ответственности.

4. Приобретать недвижимое имущество, как для помещения в нем обоза и команды, так и для извлечения дохода путем отдачи в наем на общих основаниях.

5. Содержать хор музыки и устраивать гуляния, балы, концерты, спектакли и т.п. с надлежащего каждый раз разрешения и с соблюдением правил, установленных на сей предмет действующими узаконениями и административными распоряжениями» [36].

Члены общества, как это предполагалось и в вольной пожарной дружине, делились на членов-охотников, действительных членов, членов-жертвователей и почетных членов. Общество управлялось общим собранием и правлением, а пожарная команда, состоящая из членов-охотников и некоторых действительных членов, – начальником (он же член правления). Средства общества складывались из членских взносов, пожертвований и доходов от уставной деятельности. Одним

* Члены-охотники должны были лично участвовать в тушении пожаров, действительные члены – принимать участие в тушении пожаров и в заведовании делами общества, а также платить членские взносы, члены-жертвователи – только платить взносы, почетные члены – уплатить единовременное большое пожертвование на большую сумму.

словом, предполагалось создание второй пожарной службы, только уже на общественные деньги. Одно только не очень понятно: как она должна была взаимодействовать с профессиональной пожарной командой? Ведь могло случиться и так, что на пожар никто и не «помчится с поспешностью», полагаясь на другую команду.

Однако утверждение устава вовсе не означало, что общество тут же и начало действовать. В годовых отчетах Усть-Сысольского добровольного пожарного общества отмечено, что оно «открыло действия» только 20 июля 1912 года. Вероятно, до этого времени общество как бы и существовало, но находилось «в стадии формирования». Председателем Усть-Сысольского пожарного общества состоял уважаемый в городе купец Николай Дмитриевич Оплеснин, а в правление, наряду с другими, входили заслуженные деятели городского самоуправления Григорий Емельянович Жижев и Венедикт Александрович Тентюков. Членами общества были многие уважаемые граждане – купцы, чиновники, учителя и даже священники. В 1913 году в обществе состояли 85, а в 1916 году – 91 человек, в том числе 41 действительный член, 36 членов-жертвователей и 14 охотников.

Средства у общества были небольшими – за год набиралось примерно 700–800 рублей, из которых половину давали город и земство, а вторую половину – членские взносы и другие незначительные доходы. Крупных пожертвований от частных лиц так и не поступило – не очень-то устьсысольцы жаждали раскошелиться на общественную пожарную службу, вероятно, полагая, что с них достаточно и налогов в городскую казну, в которых содержится и профессиональная пожарная дружина.

Материальную базу общества составляли пожарная труба системы Лангензипена, несколько пожарных рукавов, насос «Челенж», приобретенный в той же фирме Лангензипена, гидропульт, 2 бочки, пожарная лестница системы Листа, 4 багра, 10 топоров, 20 ведер и другой «мелкий инвентарь», а также две лошади с телегами (вначале было три лошади, но в 1915 году одну пришлось продать для экономии средств). Небогато, но для добровольной дружины вполне достаточно.

Проблема заключалась в том, что добровольная дружина существовала больше на бумаге. Первоначально она была весьма многочисленной, но постепенно число пожарных-добровольцев стало заметно уменьшаться. Например, в 1914 году в ней числилось 75 человек (17 лазальщиков, 13 трубников, 35 качальщиков и 10 водоснабжателей) – чуть ли не все общество. Это была явная «липа», если учесть, что в 1915 году в дружине осталось всего 14 человек, а правление в отчете отметило, что начальник дружины купец Иван Матвеевич Суворов к созданию ее так толком и не приступил. В связи с этим в июле 1916 года И.М.Суворов сложил с себя обязанности начальника дружины, а на эту должность был избран П.В.Тентюков [37].

Тем не менее эти добровольцы вносили свою лепту в борьбу с пожарами. По несколько раз в год они выезжали на небольшие возгорания и вполне справлялись с их тушением. Однако основная тяжесть борьбы с огнем по-прежнему лежала на плечах профессионалов, с чем они благополучно справлялись.

6.3. «Попечение о народном здравии»

Государыня Екатерина Великая, заботясь о благе подданных, естественно, не могла обойти вниманием и «народное здравие». Что касается борьбы с эпидемиями, то тут все было просто – эта обязанность была возложена на городничего с его командой (между прочим, за всю свою историю Усть-Сысольск эпидемий не знал). А постоянное «попечение о народном здравии» возлагалось на уездного лекаря, «пребывание и заседание имевшего» в уездном городе. Судя по тому, что сии «уездные эскулапы» именовались штаб-лекарями, они прежде всего пользовали служителей городской инвалидной команды и других должностных лиц. А большинство горожан и уж тем более жителей уезда по старинке обходились без «государевой медицины», уповая на Бога да на бабушек-целительниц.

Первое (и на долгие годы единственное) специализированное медицинское учреждение – больница – появилось в Усть-Сысольске только в 1815 году. Причем предназначалась это лечебное заведение, где главным лицом был все тот же уездный лекарь, для солдат инвалидной команды, так что правильнее называть его лазаретом (именно так она и именовалась в документах начала XIX века).

Похоже, что для устьсысольцев это эпохальное событие прошло незамеченным. Больницей это учреждение можно назвать лишь условно. Правильнее было бы сказать, что в больнице не лечили, а пытались лечить. Под лазарет была «назначена» одна комната в доме мещанина Г.Маегова, где и поместились две койки для больных. Дом был плохой, старый. Лекарь сообщал, что «больные ... жалуются, что в одной больнице угар и холод... лекарства больным в одной больнице по причине угара и холода не в пользу». Да и не было у него почти никаких лекарств. И ничего удивительного в том нет – в первые два года существования больницы городская дума «отщедрот своих» выделяла на ее содержание «огромную сумму» в 75 и 77 руб. (около 1% городских расходов). Но в последующие годы она была вынуждена увеличить эту сумму до 130-150 руб.

В 1819 году городская дума «расщедрилась», выделив на больницу 225 руб., но связано это с тем, что ввиду абсолютной непригодности для помещения лечебного заведения вышеупомянутого здания пришлось купить для больницы «отдельный» новый дом «за счет общественной суммы». Этот обыкновенный городской жилой дом помещался на углу Спасской и Предтеченской улиц (ныне – Советская и Куратова). Был он деревянным и одноэтажным, не очень вмести-

тельным, как и все мещанские дома. И все же по сравнению с домом Маегова это было просто хоромы – три комнаты с кухней «через коридор», тем более, что число коек не увеличилось [38].

В 1831 году городская дума рассудила, что раз больница именуется городской и содержится из городских средств, то и лечиться в ней должны не только нижние чины, но и другие горожане, правда «за умеренную плату». Но городские обыватели платить за лечение не желали, и вскоре думе пришлось сделать его бесплатным. Впрочем, и это не подтолкнуло горожан на излечение своих недугов в городской больнице. За 1836 год, например, в ней побывали всего 27 больных, из которых 4 умерли, в 1839 – 70 человек, и опять же 4 скончались. Об эффективности лечебной помощи в то время говорит такой факт: за год в Усть-Сысольске умер 131 человек (для города с населением 2 тыс. человек, более половины из которых были моложе 30 лет, это много), причем «главная болезнь, от коей умирали... была горячка», вызванная скорее всего обыкновенными простудными заболеваниями, так как основной причиной ее называются «холодные и сырые ветры».

Вообще-то городская дума из собственных средств почти ничего на содержание больницы не тратила. Сумма затрат определялась тем, сколько заплатит военный комиссариат за пользование в больнице нижних чинов воинской команды. К примеру, в 1836 году от комиссариата были получены 1551 руб. 81 коп., и точно такая же сумма была затрачена на содержание больницы. В 1843 году содержание больницы обошлось в 600 руб., и столько же было перечислено из военного комиссариата через Вологодский приказ общественного призрения.

Но деньги за лечение солдат поступали нерегулярно, и тогда думе приходилось самой изыскивать средства в надежде на последующее погашение издержек. В 1839 году на содержание больницы было потрачено 1120 руб. Из этой суммы были оплачены отопление и освещение больничного здания, наем смотрителя, сторожа и прачки, ремонт посуды, содержание и питание больных, приготовление лекарств и погребение умерших в больнице. Кроме того, были возвращены в бюджет 750 руб., занятые в прошлом году «из общественной благотворительной суммы», «присланных в возврат из Московского комиссариата». Эти расходы были компенсированы лишь частично: получено 772 руб. 63 коп. «за пользование в градской больнице больных нижних воинских чинов» и сделан новый заем «из имеющейся в градской думе благотворительной суммы» 530 руб. в счет будущей присылки денег из комиссариата.

Однако и городской казне приходилось раскошелиться. В том же 1839 году было потрачено 360 руб. на «подъем, исправление дома градской больницы», постепенно разваливавшегося от старости. Эти расходы не компенсировались, поскольку содержание больничного здания возлагалось на городские власти. Кроме того, из городских денег платили жалованье оспопрививателю [39].

Земская больница. Снимок 1948 г.

Штат больницы, как явствует из росписи расходов на ее содержание, состоял, кроме лекаря, получавшего государево жалованье, из смотрителя, прачки (она же, вероятно, и кухарка) и сторожа. Кроме того, с некоторой натяжкой к медицинским работникам можно отнести оспопрививателя и повитуху (начиная с 40-х годов XIX века ей оплачивался «наем квартиры», которая, надо полагать, и служила акушерским пунктом). Получалось, что обслуживающего персонала было больше, чем больных. В 1855 году эта «несправедливость» была исправлена – больницу расширили до 10 коек, втиснув их в то же здание. Понятно, что единственный штатный врач был не особенно загружен работой в больнице и большую часть времени тратил на частные визиты, обслуживая городскую верхушку.

Если горожане редко обращались в больницу, то как же они лечились? Большинство усть-сысольцев знали и применяли простые лечебные средства – настои и отвары лечебных трав и кореньев, которые они сами и заготавливали, парную баню и так далее. А если домашние средства не помогали, шли к знахарям, большинство из которых были «специалистами широко профиля». Были в городе и узкие специалисты: костоправы и бабы-повитухи (помимо официальной акушерки).

Наряду с рациональными существовало и множество иррациональных, магических способов лечения. Они основывались на том, что болезни можно «напустить» магическим путем, с помощью «порчи», «сглаза». В качестве лечебного средства использовали «святую воду» (то есть воду, освященную в церкви). Старожилы рассказывали, что раньше желтуху лечили таким способом: знахарка парила больного ребенка в бане

веником, смоченным в воде, в которой мяли коноплю (в этом, по-видимому, и было рациональное зерно), а в это время мать ребенка должна была три раза обойти вокруг бани и каждый раз заглядывать в дверь и спрашивать: «Что лечишь?». На что знахарка отвечала: «От порчи, сглаза лечу». Был и другой способ: нужно было пучком из веток желтой ивы ударить по голове больного и по четырем стенам комнаты, в которой он находился. Этим «проверенным» дедовским способом лечения горожане доверяли куда больше, чем не очень-то понятной для них и потому вызывавшей недоверие медицине.

А в больнице долгое время ничего не менялось, пока в 1870 году она не перешла в ведение Усть-Сысольского уездного земства, всерьез вознамерившегося заняться улучшением лечебного дела в городе и уезде. Теперь больница должна была оказывать медицинскую помощь всем жителям уезда, но по-прежнему большинство ее пациентов составляли горожане. Причем надо особо подчеркнуть – земская больница обслуживала всех бесплатно. Исключение составляли только военнослужащие, за которых платило военное ведомство. Горожане платили только за частные визиты врача на дому.

Из городского бюджета тут же исчезла статья расходов «на содержание больницы». В 1876 году городская дума получила предписание Вологодского губернатора увеличить жалованье городским медицинским работникам. Дума ответила, что врачей, фельдшеров и лекарских учеников, получающих жалование из городской казны, нет, а имеется только повивальная бабка (позднее ставшая именоваться городской акушеркой), которая и получает положенные ей квартирные в сумме 30 рублей в год (в 90-е годы XIX века го-

Врач М.И. Тур

родская дума расщедрилась на 48 рублей). Вести должность городского врача с годовым окладом 1020 рублей «отцы города» отказались «по весьма ограниченным средствам».

А вот земство, взявшее на себя все тяготы по развитию медицины, озаботилось расширением штата медицинских работников. Усть-Сысольск с близлежащими волостями вошел в 1-й Городской врачебный участок. В 1878 году земство решило открыть в городе должность второго врача. Первый врач, уездный правительственный, заведовал городской больницей и обслуживал пригородные волости, а второй, уездный земской, заведовал всей медициной в уезде. В 1890 году в Усть-Сысольске опять остался один врач, поскольку были созданы участки в Усть-Куломе и Визинге, куда и были переведены врачи, обслуживающие сельское население. Позднее число сельских участков возросло до восьми. В 1912 году века был выделен Пригородный участок, обслуживающий жителей Вильгорской, Шошкинской, Корткеросской, Позтыкеросской, Мординской, Пажгинской, Богоявленской и Слободской волостей. Приемный покой участка помещался в Корткеросе. Но там работали только фельдшеры, врач же жил «на своей квартире» в Усть-Сысольске [40].

Правда, в начале XX века определенные затраты «по медицинской и санитарной части» все же пришлось нести и городу. Сюда включались не только «содержание городской акушерки», но и расходы на «мероприятия, направленные на улучшение общих санитарных условий» (проще говоря, чистка городских улиц), а также «расходы по предупреждению и предотвращению эпидемических заболеваний» (проведение прививок). Суммы эти были весьма скромными и не шли ни в какое сравнение с земскими затратами на развитие медицинского обслуживания. Так, в 1900 году город выделил на эти цели 118

руб., в 1912 году – 90 руб. 12 коп., в 1914 году – 198 руб. [41].

Наследство земству досталось незавидное. Дому, в котором помещалась больница, было как минимум 60 лет (напомним, оно еще 30 лет назад нуждалось в основательном ремонте). При приемке земской управой «заслуженного ветерана службы здравоохранения» было отмечено:

«Городская больница устроена на 10 кроватей, помещалась она в ветхом, гнилом, полуразвалившемся деревянном общественном доме, малопоместительном, неудобном и совершенно не соответствующем своему назначению. В палатах и вообще во всем доме господствовал невыносимый, спертый, затхлый запах, происходящий как от близости дурного устройства ретирадных мест, так и от гнилости самого здания. В нескольких местах потолка заметны следы течи, происходящей от гнилости крыши. И вообще здание больницы было в таком плохом состоянии, что... никакая ремонтная работа не могла бы сделать его годным к дальнейшему помещению в нем больницы».

Ввиду полной непригодности старого было решено построить новое здание больницы. Был установлен и срок сдачи его в эксплуатацию – 1873 год. А пока решили временно перевести больницу в нанятый на три года дом купчихи Трениной. Его перестроили, но, как отмечено в докладе управы, «и после... переделок дом Трениной представлял значительные неудобства для помещения больницы», основной из которых – «помещение... недостаточно на 20 кроватей, на какое число коек управа предполагает устроить теперь больницу». Однако строительство нового здания все откладывалось.

Два с лишним года тянулись переговоры с городской думой о бесплатной уступке участка городской земли. Городские власти проявили упорство, достойное лучшего применения, совершенно не принимая во внимание нужду города в хорошей больнице. В 1874 году выяснилось, что весь капитал, выделенный на постройку больницы, израсходован, а заготовленные материалы начинают портиться и пропадают неизвестно куда. Дополнительных средств у земства не нашлось, ввиду чего было принято решение «постройку земской городской больницы... не производить, заготовленный же для построек материал поручить управе продать». В конце концов он был передан на постройку здания женской гимназии, за что с нее удерживалось ежегодно 200 руб. из земского пособия.

Между прочим, в 1874 году Усть-Сысольская земская городская больница, несмотря на все трудности с ее размещением, была признана одной из лучших в губернии по постановке лечебного дела. Земские ревизоры также отмечали положительные изменения в работе больницы. Преувеличивать эти похвалы не стоит (возникает вопрос – что же тогда представляли из себя другие боль-

Врач Н.А.Бронников

ницы?), и все же отдадим должное квалификации и усердию усть-сысольских медиков.

В 1875 году земская управа в очередной раз доложила земскому собранию, что больничный дом «имеет существенные неудобства»: «малопоместителен», не имеет подсобных помещений, неудачное расположение кухни и прачечной ведет к тому, что палаты «наполняются дымом, чадом и разными испарениями», и так далее. Было решено перевести больницу в строящийся дом купчихи Прасковьи Андреевны Латкиной*, который тоже был далек от идеала, но все же был новым, вместительней прежнего (в нем было пять комнат) и имел место для сада. При переговорах с Латкиной опять возникли трудности финансового порядка, но они кое-как были улажены, и в июле 1877 года больница переехала по новому адресу: в дом на углу Сухановской и Троицкой улиц (ныне Бабушкина и Ленина) [42].

«По приеме больницы в ведение земства в ней было установлено 20 кроватей», а в 1884 году было принято решение «добавить со следующего года еще 10 кроватей» (а было добавлено 15). Больнице было уже тесно в старом здании, и земство предпринимало усилия для расширения больничных площадей. В 1887 году управа отчиталась о «перенесении к больнице» еще одного «домика», пожертвованного все той же Прасковьей Латкиной. Рядом с больницей был куплен еще один участок земли, на котором предполагалось выстроить новое больничное здание. Вскоре рядом с одноэтажным деревянным домом с мезонином, занимаемым больницей (дом Латкиной), появились постройки больничных служб (отдельное помещение для прачечной и кухни) и

* ЛАТКИНА ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА – жена крупного предпринимателя и благотворителя Михаила Николаевича Латкина, бывшего первым председателем Усть-Сысольской земской управы (1869–1876), а до этого и городским головой (1859–1864). П.А.Латкина и сама занималась благотворительной деятельностью. В 1858 г. она стала первой попечительницей Усть-Сысольского женского второразрядного училища (первой женской школы в Коми крае) и регулярно вносила средства на его существование.

барак для инфекционных больных. На углу в двухэтажном доме А.Е.Суханова с 1896 года размещалась земская аптека (до этого она не имела своего отдельного здания), снабжавшая лекарственными препаратами все лечебные заведения уезда. Так, на углу Сухановской и Троицкой улиц к началу XX века появился маленький «больничный городок», занимавший шесть плановых мест (с 313 по 318) в 17 квартале [43].

Завершением «строительной больничной эпопеи» стало сооружение нового кирпичного корпуса земской больницы. Решение «об устройстве при Усть-Сысольской городской больнице каменного корпуса» было принято Усть-Сысольским уездным земским собранием 2 сентября 1907 года. Однако для его реализации не хватало такой «мелочи», как денежные средства. Только к 1910 году техник Е.Г.Сорокин представил проект и сметную документацию на строительство на сумму 41,2 тыс. руб. Земское собрание постановило выделить 10 тыс. рублей на заготовку материалов и начало строительства. Поначалу работы пошли довольно споро. В 1911 году бригада подрядчика Потапова закончила кладку стен, были выполнены плотницкие работы, кровельщик В.С.Оплеснин покрыл крышу листовым железом. Планировалось, что в 1912 году все работы будут завершены. Однако в стенах обнаружились трещины, пришлось вызывать комиссию, переключивать треснувшие стены. А вскоре началась война, и работы пришлось приостановить. Все работы удалось завершить только в 1916 году. Одноэтажное просторное здание разместилось на том самом, загодя купленном, участке «больничного городка», фасадом на Сухановскую улицу**. Но при этом все уже существовавшие деревянные здания были сохранены. В старом больничном доме разместился приемный покой и амбулатория [44].

Заметно возрос штат больницы. Врач по-прежнему на весь город был один. Он, как и все земские врачи, был универсалом – и терапевтом, и хирургом, и, когда требовалось, санитарным врачом. Но у него появились помощники – три фельдшера. Кроме того, в штате больницы состояли 2 сиделки, 2 сторожа, прачка, дворник, 2 повара и смотритель. Помимо больничных медиков, в городе практиковали еще 3 фельдшера. Штат единственной на весь уезд аптеки составляли смотритель (первым смотрителем был М.И.Зильберг) и три провизора (позднее штат расширился до семи человек).

Несмотря на то, что больница расширилась до 35 коек, она все же не могла удовлетворить потребности в стационарной медицинской помощи не только всего уезда, но даже и города. В 1910 году на одно больничное место приходилось

** Это здание на ул. Бабушкина сохранилось. В 50-е гг. XX в. над ним был надстроен второй этаж. Здание без малого сто лет служит делу здравоохранения. В нем размещались городская больница, затем городской родильный дом, а в настоящее время – Сыктывкарский филиал Кировской государственной медицинской академии.

150 горожан. По этому показателю Усть-Сысольск занимал одно из последних мест среди городов губернии. Персоналу больницы приходилось работать с полной нагрузкой, поскольку горожане, не забывая «домашнюю медицину», все чаще обращались к медикам-профессионалам. Например, с сентября 1888 по сентябрь 1889 года в больнице лечились 511 человек. И провели они в больнице 13471 день, то есть среднее ежедневное число больных было больше числа больничных коек. Кроме того, около 5 тыс. человек получили разовую медицинскую помощь. И это без учета больных, которым врач нанес платные визиты на дому [45].

По отчету о работе больницы за 1910 год, число стационарных больных составило 1253 человека, то есть возросло в два с половиной раза при том же количестве больничных мест. Амбулаторно было принято 13568 – это в три раза больше, чем десять лет назад. Врач нанес 1176 визитов на дом к 435 больным, кроме того, 9382 больных были приняты больничными фельдшерами. Горожане составили почти половину (42%) стационарных и 68,6% амбулаторных больных. Больше всего было принято больных с различными травмами – свыше 1000 человек, гриппом болели 515 человек, чесоткой – 463 человека. Распространены были кишечные и желудочные заболевания, связанные с плохим питанием, несоблюдением правил гигиены. За год в больнице умирали 10-15 поступивших на лечение.

Больница начала оказывать и акушерскую помощь. Три акушерки приняли 145 родов на дому и 61 – в больнице. Это очень мало – всего 37% по участку, куда, кроме города, входили еще и Вильгортская и Богоявленская волости. Большинство горожанок рожали дома без всякой медицинской помощи [46].

Мы почти ничего не знаем об уездных лекарях первой половины XIX века. А вот деятели земской медицины известны лучше, прежде всего благодаря своей многообразной деятельности, как профессиональной, так и общественной. Не случайно же за свой благородный труд многие из них удостоились награждения орденами. Назовем хотя бы некоторых из них. К примеру, наверное, первым врачом «земского» периода был Александр Игнатьевич Држевецкий. В Усть-Сысольске он работал с 1858 по 1870 год, объездил весь уезд, собрал большой материал, на основе которого написал книгу по здравоохранению коми*.

В 1883 года заведующим городской больницей стал Михаил Иванович Тур, одновременно бывший и правительственным, и уездным земским врачом, а впоследствии ставший земским деятелем. Он вообще был заметной фигурой в городской жизни – владел немалым участком «лесной дачи», активно участвовал во всех благотворительных акциях и культурных инициативах. После его смерти в 1903 году вдова передала дом с

участком под подворье Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря.

Вячеслав Александрович Шмелев начал работать в Усть-Сысольском уезде в 1890 году. Сначала он был земским врачом в Усть-Куломе, а в 1893 году был переведен в Усть-Сысольск, сменив на должности городского земского врача М.И.Тура. Как любой земский доктор, он был универсалом, но особенно силен как специалист по глазным болезням. «Как глазной врач обслуживает весь уезд, откуда к нему приходят все лишившиеся зрения и большая часть их возвращается зрячими», – отмечалось в одном из докладов Усть-Сысольского уездного земского собрания. Оно приняло решение повесить в приемной больницы увеличенный портрет доктора Шмелева в золотой багетной раме с надписью «От благодарного и умеющего ценить заслуги Усть-Сысольского земства». При нем уже в годы первой мировой войны было построено новое кирпичное здание земской больницы. В.А.Шмелев более десяти лет безвозмездно состоял врачом Усть-Сысольской женской гимназии и входил в ее попечительный совет.

В 1912 году врачом Пригородного участка стал Николай Алексеевич Бронников, сын священника из удорского села Селиб. Он закончил гимназию в Вологде, а медицинское образование получил в знаменитом Дерптском университете**. В 1904 году Николай Бронников стал земским врачом в селе Усть-Вымь. Именно при нем и во многом его трудами в Усть-Выми был построен целый комплекс зданий земской больницы (пожалуй, лучшей сельской больницы Коми края), служивший делу здравоохранения более 60 лет. В апреле 1917 года Николай Бронников был избран председателем обновленной Усть-Сысольской уездной земской управы, правда, занимал эту должность недолго, предпочтя не вмешиваться в политику. В 1918 году он уехал в Нювчим, где стал заведовать поселковой больницей. Врач Николай Алексеевич Бронников умер в 1920 году, заразившись брюшным тифом от одного из больных, – он до конца исполнял свой врачебный долг*** [47].

Конечно, земство не могло решить все проблемы медицинского обслуживания населения Усть-Сысольска, тем более, что городские власти действительной помощи ему не оказывали. И все же следует признать, что земская больница значительно улучшила медицинскую помощь горожанам, и земские медики заслуживают доброй памяти.

** Дерпт – современный Тарту (Эстония).

*** Трагична судьба брата Николая Бронникова иерея Григория Бронникова. В 1921 г. он стал приходским священником Селибской Богоявленской церкви, где когда-то служил его отец, в 1937 г. иерея Григория Бронникова арестовали и расстреляли. В 2001 г. иерей Григорий Бронников был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских XX века.

* О научной деятельности А.И.Држевецкого подробнее – в разделе о культуре.

Глава 7. ТРОИЦКИЙ ПРИХОД И ЕГО ПРИХОЖАНЕ

Устьсысольцы были не только членами городского общества, выбиравшими органы городского самоуправления и принимавшими участие в решении некоторых вопросов общегородской жизни, но и прихожанами городского Троицкого собора и в качестве таковых образовывали Троицкий приход. История Усть-Сысольского Троицкого прихода значительно длиннее истории города. Ведь к тому времени, когда погост Усть-Сысольск стал уездным городом, он уже более трехсот лет был приходским центром.

В приходской храм родители приносили младенцев для совершения таинства крещения, приходской батюшка венчал новобрачных и отпевал усопших, провожая их в последний путь. Он же и регистрировал эти знаковые события жизненного пути горожан. Устьсысольцы регулярно приходили в храм для молитвы и исповеди. Горожане принимали участие в управлении приходом, строительстве и обустройстве приходских храмов, на них возлагалось содержание приходского причта. Одним словом, «приходская жизнь» была тесно переплетена с «общегородской».

Согласно «Полному православному богословскому энциклопедическому словарю», приходом именуется «церковный округ населения, имеющий свой храм с причтом. Приход может образовываться, если есть храм и средства, достаточные для содержания причта» [1]. Уже из этого краткого определения видно, что приходская история – это и история изменения «приходского пространства» и его управления, и история приходских храмов и часовен, и история служения приходского духовенства, и, конечно же, история деятельности прихожан.

Важнейшие сведения об истории прихода мы можем почерпнуть в клировых ведомостях. Так назывались ежегодные отчеты по каждому приходу, введенные в 1769 году. И хотя форма от-

четности менялась (последняя установлена в 1829 году), содержание оставалось без изменений. В клировые ведомости заносили сведения о составе причта, приходских храмах и часовнях, школах, библиотеках, церковных доходах, численности прихожан и многие другие.

Поможет нам также «Летопись Троицкого собора в Усть-Сысольске» [2]. Такие летописи должны были вестись в каждом приходе – о том в 1866 году было распоряжение Синода, рекомендовавшее всем приходским священникам стать «летописцами». За исполнением его следили епархиальные архиереи, понуждавшие батюшек братья за перо [3]. Но наша летопись написана позже – в начале XX века. Она предварена «Правилами и программой ведения церковно-приходской летописи», опубликованными в 1914 году в газете «Вологодские епархиальные ведомости», согласно которым в ней должны были записываться по годам все важные сведения о приходе: возведении и перестройках храмов и часовен, приходских кладбищах, клире, посещениях прихода правящим архиереем, численности прихожан, «выдающихся случаях из религиозно-нравственной жизни прихожан» и даже «народных бедствиях» (наводнениях, засухах, неурожаях, эпидемиях и тому подобном).

Усть-сысольский летописец на основе документов приходского архива добросовестно восстановил историю прихода начиная с конца XVII века*. Эти сведения бесценны, поскольку большинство из них сохранились только в летописи. Помянем добрым словом нашего летописателя и вместе с ним последуем в прошлое Троицкого прихода.

* Текст летописи до 1914 года включительно написан одним почерком и одними чернилами со вставками-дополнениями. В 1914 году протоиереем Троицкого собора был о. Александр Малевинский, который, по-видимому, по собственной инициативе и составил летопись.

7.1. Приход-округ: управление и территория

По православной традиции ни один приход, ни один монастырь или пустынь, как бы далеко от крупных городов расположены они ни были, не могли находиться вне епархии – административного церковного округа, объединяющего приходы одной местности, вне управления епископа. Это важнейшее условие жизни Церкви как единого организма.

Первая епархия на территории Коми края была образована в 1383 году, когда еще не была завершена христианизация предков коми. Именовалась она Пермской, центром ее была Усть-Вымь, а первым епископом – св. Стефан Пермский, креститель и просветитель пермян. В Пермскую епархию входили и земли средней и нижней Сысолы. Но к тому времени, когда появился погост «в устье реки Сысолы» и Усть-Сысольский Георгиевский приход, Пермской епархии уже не было.

В 1492 году митрополит Зосима и архиепископ Новгородский Геннадий передали свои приходы «на Вологде» под управление епископа Пермского Филофея, и епархия стала именоваться Пермской и Вологодской. С тех пор судьба приходов на Сыsole была связана с этим старинным русским городом. В 1564 году «переведен бысть с Устьвыми на Вологду владыко Иоасаф Пермский. Оттоле епискупия начав быти на Вологде, на Устьвыме после тово епискупия не была», а епархия стала именоваться Вологодской и Великопермской [4]. Примерно в это время в составе Вологодско-Пермской епархии и появляется новый Усть-Сысольский Георгиевский приход.

За последующие три с половиной века своего существования приход неоднократно менял свою епархиальную принадлежность. В 1657 году в связи с образованием новой Вятской епархии и включением в ее состав Перми Великой вологодский владыка стал именоваться Вологодским и Белозерским, а в 1676 году к Вятской епархии отошли все приходы Яренского уезда и Вымской земли, и в их числе и усть-сысольский. Но в составе Вятской епархии усть-сысольский приход находился всего девять лет. В конце XVII века была проведена реорганизация епархиального устройства Европейского Севера, в результате которой в 1682 году появились две новые епархии – Холмогорско-Важская и Великоустюжско-Тотемская. В 1685 году владыке Великоустюжскому и Тотемскому были переданы в управление и приходы Яренского уезда, куда тогда входил Усть-Сысольск.

В составе Великоустюжской епархии Усть-Сысольский Троицкий приход находился более столетия. Именно в это время он из сельского превратился в городской. Однако вскоре после этого последовала новая реорганизация епархиального устройства. В июне 1787 года, как записано в «Летописи Троицкого собора», «Высочайшим указом на имя Вологодского Генерал-губернатора Мельгунова повелено: церкви и монастыри, состоящие по Вологодскому наместничеству считать в епархии епископа Вологодского, а устюж-

скую епархию соединить навсегда с Вологодской епархией». В 1788 году Великоустюжская епархия была окончательно ликвидирована (точнее, слита с Вологодско-Белозерской). Так, через сто с лишним лет Троицкий приход вернулся под управление вологодского владыки, который теперь стал именоваться Вологодским и Великоустюжским.

После ликвидации Великоустюжской епархии границы Вологодской губернии полностью совпали с епархиальными, чего, собственно, и добивалось государство, полагавшее, что для удобства управления границы власти светской должны соответствовать границам власти духовной. В течение XIX века происходили только внутри-епархиальные изменения в системе управления, выразившиеся в учреждении должностей викарных епископов и выделении подчиненных им округов*. В 1888 году была учреждена кафедра епископа-викария и в Великом Устюге с наименованием «Епископ Великоустюжский, викарий Вологодской епархии» (епархиальный архиерей стал именоваться Вологодским и Тотемским). В 1916 году указом Святейшего Синода ему было велено именоваться Великоустюжским и Устьвымским. В викариатство вошли приходы пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии, в том числе и Усть-Сысольского и Яренского с теми населением.

Упомянем епархиальных архиереев, под чьим управлением в разные годы находился Усть-Сысольский Троицкий приход «городского периода». Последним епископом Великоустюжским, при котором Усть-Сысольск и стал городом, был Иоанн (Никитин), занимавший епископскую кафедру с 1767 года. В 1788 году приход перешел под управление епископа Вологодского и Великоустюжского Ирины (Братановича), управлявшего епархией с 1775 по 1796 годы. В XIX – начале XX веков Вологодской епархией управляли епископы Арсений (Тодорский) (1796–1802), Антоний (Знаменский) (1802–1803), Феофилакт (Слонецкий) (1803–1808), Евгений (Болховитинов) (1808–1813), Онисифор (Боровик) (1814–1827), Моисей (Богданов-Платонов) (1827–1828), Стефан (Романовский) (1828–1841), Иннокентий (Борисов) (1841), Иринарх (Попов) (1842–1844), Евлампий (Пятницкий) (1844–1852), Феогност (Лебедев) (1852–1856), Христофор (Эммаусский) (1856–1866), Павел (Доброхотов) (1866–1869), Палладий (Раев) (1869–1873), Феодосий (Шаповаленко) (1873–1883), Израиль (Никулицкий) (1883–1894), Антоний (Флоренсов) (1894–1895), Алексий (1895–1906), Никон (1906–1912), Александр (Трапицын) (1912–1921) [5]. Список получился внушительный, поскольку в Синодальный период церковной истории** было принято за прави-

* Викарий – помощник епархиального архиерея в епископском сане. Викарный округ (викариатство) – епархиальная территория, находящаяся под непосредственным управлением викарного епископа.

** Синодальным называется период в истории Русской Православной церкви с 1721 по 1918 г., когда она была лишена патриаршего возглавления и управлялась Святейшим Синодом.

ло достаточно частое перемещение архиереев с одной кафедры на другую и пребывание на одной кафедре больше десяти лет считалось не правилом, а исключением.

В XVIII веке были введены в практику поездки правящих архиереев по приходам вверенных их управлению епархий. Но до самого отдаленного города Вологодской епархии, «дальше которого пути не было», по сравнению с другими епархиальными городами, владыки добирались не так уж часто. Епископы Великоустюжские вообще ни разу не бывали в Усть-Сысольском погосте, хотя и приезжали в Коми край (к примеру, в Усть-Вымь, прежнюю «столицу» Пермской и Вологодской епархии, до 1764 года являвшуюся их вотчиной).

Первым, кто посетил Усть-Сысольский Троицкий приход во время объезда приходов Коми края, был владыка Евгений, выдающийся церковный историк, археолог и писатель, один из самых ярких архиереев, занимавших Вологодскую кафедру*. В 1808 году он освятил Спасскую церковь, надстроенную над Покровским храмом. Впечатления от поездки в Коми край и итоги разысканий о «зырянских древностях» были обобщены епископом-историком в статье «О зырянском народе и зырянских монастырях», опубликованной в «Вологодских губернских ведомостях» в 1839 году, уже после кончины владыки Евгения (это вообще одна из первых статей по истории и этнографии коми). Но Усть-Сысольск владыке не понравился. Он записал: «В Устьсысольске я был: городок не большой, но холодный. Так в июле месяце видел я мороз, а за рекою Сысолою, протекающей под городом, бесконечные болота, простирающиеся до Печорских гор. Оттого в городе всегда сыро».

Следующего архиерейского визита пришлось ждать ровно сорок лет. Только в 1848 году Усть-Сысольск посетил епископ Вологодский и Великоустюжский Евлампий. После знакомства с городом и городскими храмами владыка заметил «отцам города» и духовенству, что в «столице зырянского края нет нарочитой почести святителю» Стефану Пермскому, тем самым побудив «именитых горожан» к строительству самого большого в Коми крае Стефановского храма.

В июле 1867 года в Усть-Сысольске побывал епископ Вологодский и Великоустюжский Павел. Он был первым из Вологодских архиереев, кто отправился дальше, – 26 и 27 июля владыка по-

сетил недавно восстановленный Ульяновский Троице-Стефановский монастырь. В 1871 году обитель посетил его преемник владыка Палладий, также побывавший и в Усть-Сысольске. Занявший после него Вологодскую кафедру Преосвященный Феодосий уже по традиции в первый же год своего нового служения отправился в Ульяновскую обитель, куда и прибыл 20 июля 1874 года. В 1879 году он еще раз наведывался через Усть-Сысольск в Ульяново, где освятил два храма**. Таким образом, достаточно частым архипастырским посещениям в 60-70-е годы XIX века Усть-Сысольск прежде всего обязан возрожденному Ульяновскому Троице-Стефановскому монастырю, находившемуся под особым покровительством Вологодских архиереев.

В 1888 году Усть-Сысольск посетил vicарный епископ Великоустюжский Иоанникий, только что назначенный на эту должность. Владыка, помимо других архипастырских дел, проинспектировал строящееся здание духовного училища. Следующий проезд vicарного епископа состоялся в 1892 году. Это был Преосвященный Гавриил, совершивший литургию в Троицком соборе (это была последняя в соборе архиерейская служба). В начале XX века архиереи трижды посещали город на Сыsole. В 1911 году здесь побывал епископ Вологодский и Тотемский Никон (и с тех пор епархиальные архиереи в Усть-Сысольске не бывали). В 1913 и 1914 годах (второй раз – на обратном пути из Ульяновского монастыря) город посещал vicарный епископ Великоустюжский Алексей, осмотревший не только городские храмы, но и побывавший в селах Вильгорт и Слобода, пригородных деревнях Кочпон и Чит. Владыки Никон и Алексей служили литургию, но уже не в Троицком соборе, а в наконец-то достроенном Стефановском храме, более просторном [6].

Таким образом, известны десять посещений епархиальными и vicарными архиереями «столицы зырянского края» (впрочем, у нас нет уверенности, что их не было больше). Много это или мало? Наверное, для самого удаленного города епархии не так уж и мало. Надо заметить, что большинство приходов Усть-Сысольского уезда за всю свою историю удостаивались посещения архиереев по одному-два раза, а в некоторых они вообще никогда не бывали.

Во время посещения Усть-Сысольска владыки осматривали храмы, совершали поставления, лично знакомились с состоянием приходских дел, давали советы и наставления. Но все же архипастырские визиты и службы были событиями торжественными, неординарными. Архипастыри приезжали в Усть-Сысольск только в короткий период конца мая – конца июля, и не более чем на один-два дня. В другое время добираться до города было непросто, а весной и осенью и вовсе весьма затруднительно. Показательно, например, что ни епархиальный, ни vicарный архиереи не

* Преосв. ЕВГЕНИЙ (Болховитинов Евфимий Алексеевич) (1767–1837) – крупный церковный деятель, историк, писатель, археолог, член Российской академии (1806), академик Петербургской Академии наук (1829). В епископском сане – с 1804 г. Управлял Вологодской (1808–1813), Калужской (1813–1816), Псковской (1816–1822) епархиями. С 1822 г. – митрополит Киевский и Галицкий. Автор первого «Словаря русских писателей», крупных исследований по истории Русской Православной церкви («Историческое исследование о соборах Российской церкви», «Историческое рассуждение о чинах Греко-российской церкви» и др.), российской истории («Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода», «История княжества Псковского» и др.), руководил раскопками древних памятников в Киеве, занимался археографией.

** В «Летописи Троицкого собора» посещение Усть-Сысольска владыкой Евлампием датируется 1852, второе посещение владыкой Феодосием – 1878 годами.

смогли приехать в Усть-Сысольск на отмечавшееся 9 мая 1896 года 500-летие преставления св. Стефана Пермского, хотя это событие имело общероссийское значение, и освящение Стефановского храма.

«Будничное» управление приходами осуществлялось через духовные консистории при правящих архиереях, с 1744 года заменившие прежние архиерейские судный и казенный приказы. В 1788 году с закрытием Великоустюжской епархии была упразднена и духовная консистория при епископе Великоустюжском, «и вместо таковой 21 февраля учреждено Устюжское Областное Духовное правление» (оно существовало недолго – до упразднения в 1796 году Великоустюжской области).

Первоприсутствующим (председателем) духовной консистории был епархиальный архиерей, а «присутствующими» – настоятели нескольких крупных монастырей и представители приходского духовенства. Однако едва ли не главным лицом в консистории был ее секретарь, руководивший работой консисторского аппарата. Причем он был лицом не духовным, а светским, и назначался не Синодом, а обер-прокурором Синода, то есть являлся государственным чиновником. Так государство не только контролировало, но и вмешивалось в дела церковного управления.

А на уездном уровне создавались духовные правления, по существу являвшиеся отделениями духовной консистории на местах. Как правило, председательствовал в духовном правлении протоиерей городского собора, а работу секретаря выполнял один из клириков. В Усть-Сысольске по неведомым причинам духовное правление было образовано только в 1808 году, а до этого, как и прежде, приходы Усть-Сысольского уезда получали указы из Яренского духовного правления. Первое Усть-Сысольское духовное правление до конца 60-х годов XIX века помещалось в комнатке на первом этаже колокольни Троицкого собора – в ней и заседания проходили, и весь архив хранился.

Очень важным звеном епархиального управления были благочинные – священники, осуществлявшие надзор за приходской жизнью и духовенством определенной территории. Приходы, состоящие под наблюдением отца благочинного, составляли благочинный округ (благочиние). Эта должность была предусмотрена еще Духовным регламентом, введенном при Петре I, а с конца XVIII века благочинные повсеместно заменили прежних «десятинных (десятских) попов». Вплоть до 1881 года благочинные избирались из своей среды приходским духовенством и только утверждались правящим архиереем. Но позднее эта традиция была пресечена – управители благочинных округов стали назначаться епархиальным архиереем из кандидатур, представленных приходским духовенством.

В Усть-Сысольском уезде первоначально было образовано три благочинных округа, а в 1862 году по причине обширности территории и

в связи с ростом численности приходов их число было увеличено до шести. Но Усть-Сысольский Троицкий приход как городской находился вне этих «номерных» благочиний. Его особый статус определялся еще и тем, что протоиерей Троицкого собора возглавлял Усть-Сысольское духовное правление, и в этом качестве надзирал за благочинными округами. И в то же время он был благочинным для городского духовенства. Таким образом, Троицкий приход, по существу, составлял отдельный городской благочинный округ.

Территория самого Усть-Сысольского Троицкого прихода неоднократно изменялась, причем никогда не совпадала с неизменными границами городской территории. Первоначально окраинный Усть-Сысольский, тогда еще Георгиевский, приход включал огромную территорию в устье Сысолы и по средней Вычегде (Зеленец, Часово, Пезмог и Маджа). Но уже в первой половине XVII века (между 1608 и 1646 годами) из него выделилась в самостоятельный приход средневыходская территория с центром в Зеленце. В переписной книге 1646 года в погосте Верхний Зеленец указана деревянная церковь во имя Рождества Богородицы с причтом в составе священника, дьячка и пономаря. В состав прихода входили деревни Другой Зеленец, Парчег и Часово [7].

Но и в XVIII – первой половине XIX веков территория Троицкого прихода была немаленькой, значительно «выходившей» за границы территории, отведенной городу Усть-Сысольску как административной единице. Кроме самого города и «пригородов» к Троицкому приходу были приписаны пригородные деревни Кочпон и Чит, а также отстоящие на довольно приличном расстоянии Слобода (14 верст)*, Озел (16 верст), Сейты (30 верст) и даже Визябож (25 верст)**, хотя она находилась далеко за Зеленцом (соседняя деревня Додзь относилась уже к Корткеросскому приходу).

Однако надо иметь в виду, что в то время границы приходов не были четко установлены, что вносило основательную путаницу при отнесении к тому или иному приходу «пограничных» селений (свою роль играло и несовпадение границ приходских и административных округов). При знакомстве с отчетами приходских священников о численности прихожан и входивших в приход селениях выясняется, что некоторые деревни оказались «приписанными» к двум приходам (точнее, разделенными между ними). К примеру, в клировой ведомости за 1824 год в составе Усть-Сысольского Троицкого прихода в числе других указаны деревни Слободская (403 прихожанина) и Читовская (88 прихожан). Первая также числится в Зеленецком Богоявленском (32 прихожанина), а вторая – в Вильгортском Сретенском (87 прихожан) приходах [8]. Скорее всего, этих 32 жителя Слободы посещали церковь в Зеленце и были приписаны приходским священником к сво-

* Деревня (позднее – село) Слобода находилась на территории современного Эжвинского района Сыктывкара.

** 1 верста = 500 саженьям = 1,0668 км.

ему приходу, а деревня Чит поделена пополам (в ней в то время было как раз около 160 жителей).

Во второй половине XIX века территория Усть-Сысольского Троицкого прихода начала постепенно «сжиматься». В удаленных от города поселениях появлялись свои храмы. Сначала они были приписными к Троицкому собору, но с ростом численности населения появлялась возможность выделить их в отдельные приходы, что для удобства церковного управления и делалось. Решением Синода от 19 ноября 1886 года было разрешено открыть Озелский Вознесенский приход, включавший всего две деревни – Озел и Сейты (выделение этих небольших селений в самостоятельный приход было оправдано тем, что они были малодоступны для городских священников). В 1894 году открылся Никольский приход в разросшемся селе Слобода. Оказавшаяся оторванной от основной территории прихода деревня Визябож была переведена в Корткеросский Успенский приход, хотя от нового приходского центра она была всего на пять верст ближе, чем от Усть-Сысольска. К началу XX века в Усть-Сысольском Троицком приходе остались всего два сельских поселения – деревни Кочпон и Чит, причем последняя так и осталась «поделенной» между двумя приходами [9].

Остается уточнить, что, несмотря на существенное сокращение, территория прихода, за счет того, что в нее входили и сельские поселения, всегда была больше территории города. По территории Усть-Сысольский Троицкий приход уступал многим приходам Коми края, но по численности прихожан он неизменно занимал первое место.

7.2. О Троицком соборе и не только о нем

Сердце прихода и его «визитная карточка» – приходской храм. Без него нет прихода. Храм прежде всего – Дом Божий, Дом молитвы, средоточие духовной жизни прихожан. Но храмы занимают и важнейшее место в городской топографии. Они сами – часть городской истории, способные рассказать о многих сторонах жизни городских обывателей. В таких населенных и значительных по территории приходах, как Усть-Сысольский Троицкий, «приходское пространство» включало не только приходской храм (собор), но и приписные к нему (то есть не имеющие собственного причта) церкви и часовни. Кроме того, Усть-Сысольск – единственный населенный пункт края, где были монастырские подворья, в том числе и церковь, не относявшаяся к городскому приходу.

О первых усть-сысольских храмах мы знаем очень мало – только то, что сообщается о них в переписных книгах. Напомним, что первая известная нам по сотной с писцовых книг 1586 года деревянная теплая церковь была поименована в честь св. Георгия Победоносца, соответственно и приход первоначально именовался Георгиевским. Как и было заведено издавна, строили его всем миром, общиной. В писцовой книге Яренского уезда 1608 года в погосте «на устье Сысо-

лы реки» числится все та же «церковь Страсто-терпца Христова Георгия теплая, клецки». А в 1646 году в Усть-Сысольске было уже два храма – Георгиевский теплый и Троицкий холодный. Скорее всего, именно в первой половине XVII века, когда был построен новый, более просторный храм «во имя живоначальной Троицы», и приход стал именоваться Троицким. В переписной книге Яренского уезда 1678 года на погосте упоминается только одна церковь – Троицкая. Что стало с Георгиевским храмом, нам неизвестно. Возможно, он сгорел, возможно, был разобран за ветхостью. Но более Георгиевская церковь не восстанавливалась, и устьсысольцы более чем на десять лет остались без теплого храма.

В 1692 году архиепископ Великоустюжский Александр (именно он добился возвращения прихода Яренского уезда в Великоустюжскую епархию) разрешил в Усть-Сысольском Троицком приходе «строить церковь во имя Покрова Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы, а со стороны тоя церкви придел во имя Великомученика Георгия, а у тоя церкви и у придела строить алтарь круглый и верхи не шатровые и придел от этой церкви строить особою стеною и по церкви бы в придельную церковь дверей не было». Из первой известной нам разрешительной грамоты на построение церкви в Усть-Сысольске (ее копия хранилась в архиве Троицкого собора) видно, что это была именно новая церковь, иначе бы в грамоте было указано: «вместо старой, пришедшей в ветхость».

С тех пор на берегу Сысолы неизменно стояли рядом два храма – Покровский теплый и Троицкий холодный, позднее и составившие городской Троицкий собор. Но устьсысольцы сохранили традицию – сохранять память о прежних приходских храмах. При новой Покровской церкви был «особый холодный придел» с отдельным входом (в грамоте он назван придельной церковью) во имя св. Великомученика Георгия [10]. И позднее при всех перестройках в одном из храмов Троицкого собора Георгиевский придел обязательно сохранялся.

Новая Покровская церковь простояла около сорока лет. Возможно, она стояла бы и дольше – возраст даже для деревянного храма у нее был не столь уж солидный. Но ее судьбу предопределило самое богатое и влиятельное усть-сысольское семейство Сухановых. В апреле 1733 года братья Иван Афанасьевич и Петр Афанасьевич Сухановы «били челом» епископу Великоустюжскому и Тотемскому Сергию: «в Яренском уезде в Сысольской волости в Троицком приходе деревянная теплая церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы весьма обветшала и погнила, Божественную службу служить в ней опасно и того ради вместо той деревянной обветшавшей церкви» желают они, Сухановы, «построить в оном приходе Троицком каменную церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы об одном престоле, да при ней придел один во имя Святого Пророка Предтечи и Крестителя Иоанна об одном престоле, другой – Святого Великомучени-

Троицкий собор

Троицкий собор зимой

Троицкий собор со стороны р. Сысолы

ка Георгия Стратотерпца об одном же престоле, своим иждивением и без остановки».

Сухановы очень хотели поднять и свой престиж «негласных владык» Усть-Сысольска, и престиж своего «родового гнезда». Выстроить за свой счет каменный храм могли позволить себе только действительно очень богатые люди. Сухановы, вероятно, потому и выбрали в качестве строительного объекта Покровскую церковь, что теплые храмы по размерам были поменьше холодных (деревянная Троицкая церковь была постарше Покровской и вряд ли была в лучшей сохранности – холодные храмы вообще ветшали быстрее). Строительство большого Троицкого храма даже им было не по карману.

Надо учесть, что в то время во всем Коми крае была всего одна каменная церковь – Вознесенская в Усть-Выми (в 1734 году началось строительство второго усть-вымского храма – Благовещенского). Никто в Усть-Сысольске не имел ни малейшего понятия о каменном строительстве, поэтому «каменных дел мастеров» нужно было завозить со стороны, а это дело дорогое. Необходимо было организовать производство кирпича (кирпичных «заводов» в погосте никогда не было) и других материалов – а это тоже расходы немалые. Сухановы еще до получения разрешения на строительство (видимо, были уверены, что оно будет) взялись за дело. И не ошиблись – владыка Сергей дал разрешительную грамоту на строительство каменной теплой Покровской церкви с Иоанно-Предтеченским и Георгиевским придела-

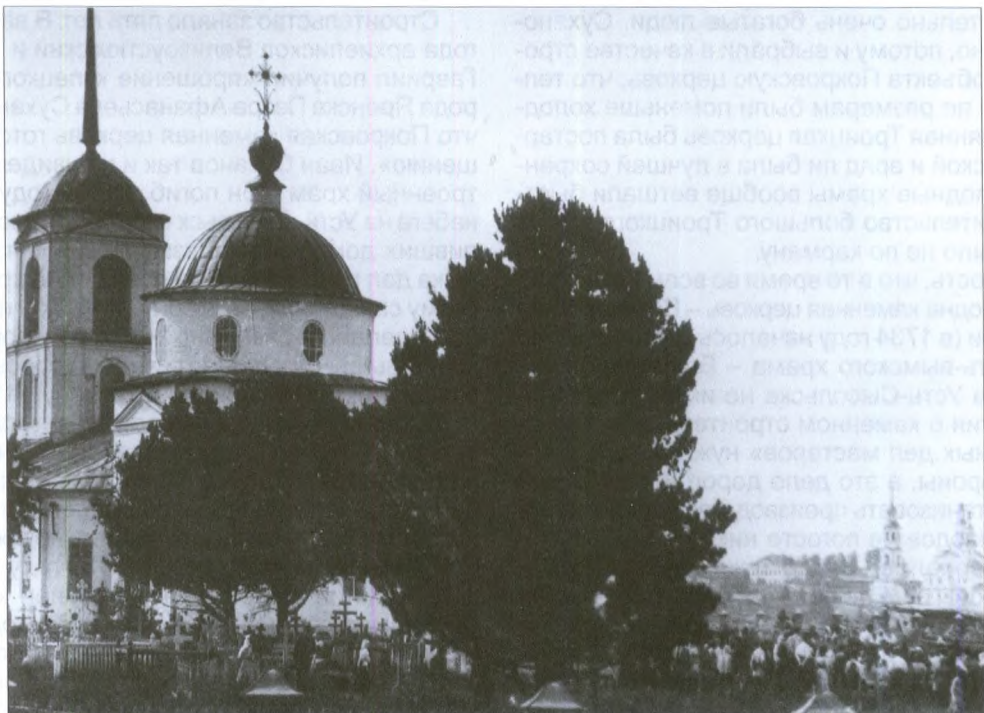
ми. К этому времени Сухановы уже заготовили 200 тыс. штук кирпичей и должны были в ближайшее время заготовить недостающий кирпич (около 100 тыс. штук), 200 пудов камня на фундамент и 200 бочек извести. Строить храм должны были устюжские мастера.

Строительство заняло пять лет. В августе 1740 года архиепископ Великоустюжский и Тотемский Гавриил получил «прошение купецкого сына города Яренска Петра Афанасьева Суханова о том, что Покровская каменная церковь готова к освящению». Иван Суханов так и не увидел новопостроенный храм – он погиб в 1739 году во время набега на Усть-Сысольск «воровских людей», спаливших дом-крепость «зырянских князей». Владыка дал разрешение на освящение храма яренскому священнику Симеону, ежели он найдет, что все сделано правильно и крепко (придельные престолы было поручено освятить усть-сысольским священникам Макарию и Артамену) [11].

Прошло более десяти лет, и настала очередь Троицкой церкви (разумеется, не той, что упоминается в 1678 году, поскольку та была беспридельная, а упоминающаяся в середине XVIII века имела Трехсвятительский придел, но время ее постройки нам не известно). В 1753 году устьсысонец Василий Попов был отправлен к владыке Варлааму с прошением от имени приходских священников Никифора Макариева и Стефана Елеazarова, церковного старосты Михаила Сидорова «с приходскими людьми» разрешить вместо ветхой деревянной Троицкой церкви с приделом

Вознесенская кладбищенская церковь

Вознесенская церковь и кладбище

Стефановская церковь

во имя трех Святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова «собственным своим иждивением и подаянием боголюбцев построить новую каменную церковь» во имя Живоначальной Троицы с двумя холодными приделами. Василий Попов привез и чертеж будущей церкви. 28 мая того же года владыка Варлаам выдал разрешительную грамоту: «построить новую каменную холодную церковь не свыше потребы во имя Святыя Живоначальныя Троицы и при ней два придела – первый по правую сторону во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, второй – по левую во имя трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста».

Троицкую каменную церковь строили не в пример дольше Покровской. Разрешительная грамота на освящение нового храма была выдана епископом Великоустюжским Иоанном в конце июня 1768 года. Освидетельствовать и, если будет найдено, что постройка произведена по всем правилам, освятить Троицкий холодный храм было поручено протоиерею кафедрального Устюжского Успенского собора Андрею. Возможно, престолы в боковых приделах были освящены позже [12].

На этом заканчивается догородская история усть-сысольских храмов. В 1780 году именно Покровская теплая и Троицкая холодная церкви составили городской Троицкий собор. В 1782 году был полностью переделан и вновь освящен глав-

ный престол в Покровском храме. Для довершения соборного ансамбля оставалось построить новую колокольню, поскольку старая деревянная как-то не соответствовала относительно новым каменным храмам.

Усть-сысольское духовенство и прихожане обратились к епископу с просьбой разрешить строительство новой каменной колокольни и в 1783 году получили официальный ответ из духовной консистории: «По Указу Ея Императорского Величества и во исполнение Его Преосвященства резолюции, а по прошению вашему велено: вместо имеющейся при той Троицкой церкви ветхой деревянной колокольни построить вновь каменную колокольню дозволить». Разрешительную грамоту выдал последний епископ Великоустюжский Иоанн. И здесь не обошлось без Сухановых, хотя они в прошении отдельно и не упоминались. Однако именно внук Ивана Афанасьевича Суханова Афанасий Елисеевич Суханов взялся за постройку колокольни на свои средства.

Сохранилась копия контракта, заключенного в 1785 году Афанасием Сухановым с работными людьми подрядчика Василия Смолина из Устюга, из которой мы узнаем, что строила колокольню «сборная» бригада каменщиков из 10 человек (среди них двое были великоустюжскими мещанами, остальные – крестьянами «устюжского округа», из-под Сольвычегодска, с Сухоны и Северной Двины) из «готового материала», со своими

инструментами и питанием (его обязан был обеспечить подрядчик Смолин). В контракте особо было оговорено, что бригада обязуется «во все выше писанное время работы хмельного не пить и не гулять» (а прогулял – плати штраф). За работу Афанасий Суханов должен был заплатить 142 рубля с выдачей аванса. Строители должны были закончить работу за два летних сезона [13]. Зимой не строили не потому, что боялись мороза, а чтобы не страдало качество. По этой же причине каменщики не работали ранней весной и поздней осенью (из-за частых дождей). Профессиональная репутация и ответственность были дороже денег.

Надо полагать, свои обязательства бригада выполнила. Мы точно не знаем, когда закончилось строительство колокольни, но в 1787 году она уже стояла, поскольку в январе 1788 года купец Степан Суханов, еще один представитель известной купеческой фамилии, заключил контракт с усть-сысольским мещанином Епифаном Улитиным о том, что тот в следующем году за 70 рублей сделает шпиль на «новопостроенной каменной колокольне».

Колокольня вполне гармонично вписалась в соборный ансамбль. Была она трехъярусной, «о два звона» (т.е. колокола помещались на двух ярусах – первом и втором), с «боевыми часами» на третьем ярусе, завершавшимся высоким шпилем. По звону (оттого и «боевые») этих первых в городе часов горожане проверяли время более столетия (вторые «публичные» часы появились на пожарной каланче только в начале XX века). Три яруса колокольни «опирались» на массивный широкий корпус первого этажа. В его помещениях со временем разместились Духовное правление и соборная ризница, а позднее – духовно-приходское училище. Колокольня была соединена с Троицкой церковью «досчатым на каменных столбиках коридором».

Последняя перестройка сборного ансамбля относится к концу XVIII – началу XIX веков. Горожане вознамерились разобрать купол Покровской церкви и надстроить над ней второй этаж, для того, чтобы поместить в нем холодную Спасскую церковь. Можно только гадать, зачем им это понадобилось. Практический смысл в этой перестройке углядеть трудно. Возможно, Покровский и Троицкий храмы и были тесноваты, но ведь появление новой церкви места в них не прибавляло. Скорее всего, идя на значительные затраты, духовенство и прихожане стремились придать более внушительный вид главному городскому храму. Объединение «в одном корпусе» зимнего (теплого) и летнего (холодного) храмов было вполне традиционно для русской церковной архитектуры – существовали и типовые проекты таких церквей (но они исключали строительство рядом другого храма).

Как бы то ни было, но 9 марта 1792 года епископ Вологодский и Великоустюжский Ириной выдал подменную (заменяющую старую) разрешительную грамоту на строительство холодной Спасской церкви над теплой Покровской. Строительство началось не ранее чем через два года,

поскольку только 21 июня 1793 года владыка Ириной утвердил «план и фасад» нового храма, составленные «Устьсысольской Управы Благодичиния» архитектурным помощником Иваном Аленевым, в августе того же года было получено разрешение на строительство, а в марте 1794 года клир и прихожане заключили договор на производство строительных работ с устюжским мастером Михаилом Ивановичем Нечаевым. Строительство было закончено уже в начале XIX века. Как уже упоминалось, Спасский храм был освящен епископом Вологодским и Устюжским Евгением во время первого архипастырского визита в Усть-Сысольск. Произошло это 6 июля 1808 года [14].

Таким образом, ансамбль каменных построек городского Троицкого собора сложился только к началу XIX века, почти через 70 лет после завершения строительства Покровской церкви. Он включал в себя однопрестольный холодный Спасский и трехпрестольный теплый Покровский храмы «в одном корпусе», трехпрестольный холодный Троицкий храм и колокольню. Позднее соборные церкви неоднократно ремонтировались и обновлялись. Проводились работы по укреплению берега Сысолы, поскольку храмы постепенно «сползали» с него и от этого разрушались. Но перестройки, изменявших храмовый облик, более не производилось.

Довольно скоро после преобразования в город в Усть-Сысольске появилась еще одна церковь. Своим появлением она «обязана» правилам застройки городов, согласно которым кладбище должно находиться за чертой городских кварталов. В примечании к плану застройки Усть-Сысольска 1783 года было прямо указано: «Кладбище чтоб были загородные разстоянием от жилья как узаконено». Точное местонахождение кладбища в Усть-Сысольском погосте нам неизвестно, но очевидно, что оно находилось недалеко от приходской церкви, благо та располагалась на окраине.

Новое городское кладбище, как и положено, было вынесено за городскую окраину, на незаселенное место недалеко от берега Сысолы рядом с местечком Кируль, где оно и помещалось до 30-х годов XX века. Кладбище находилось довольно далеко от последних домов городских кварталов (ближайшая к нему улица Юго-Загородная в то время существовала только на бумаге). Поэтому было решено построить при кладбище деревянную церковь. Такие небольшие храмы местные умельцы-плотники рубили за одно лето. Теплый однопрестольный храм в честь св. Николая Мирликийского был освящен в 1790 году и стал первым приписным к городскому собору.

Однако всего через двадцать лет было решено заменить маленькую и тесную церковь на новый более просторный каменный храм. Дело в том, что Никольская церковь с первых же дней стала не только кладбищенской, но и «слободской». Жители отдаленной от городского центра немаленькой слободки Кируль считали ее своей, своеобразным местным заместителем соборного храма.

Идею строительства нового каменного храма поддержали Сухановы. Алексей Суханов дал деньги, что обеспечило успех всего начинания (без Сухановых прихожане вряд ли собрали бы нужную сумму). Надо полагать, интересы жителей Кируля Сухановых не очень волновали. Для них важнее было то, что новый храм мог стать не только выражением их благочестия, но и достойным памятником предкам, покоящимся на городском кладбище. К тому же именно в это время городскими головами были представители двух ветвей рода Сухановых – Степан Григорьевич (в 1811–1813 годах) и тот же Алексей Иванович (в 1814–1816 годах).

Храмозданная грамота на построение каменной церкви в честь Вознесения Господня была дана 23 июля 1811 года епископом Вологодским и Устюжским Евгением. Постройка ее была закончена в 1820, а освящен новый храм в 1822 году. Вознесенская церковь объединяла теплый и холодный храмы «в одном корпусе». В теплой церкви было два престола – во имя св. Николая Мирликийского (южный) и во имя св.Алексия, Митрополита Московского (северный), в холодной – один во имя Вознесения Господня. «В одной связи» с церковью была выстроена трехъярусная колокольня [15]. Такой храм больше соответствовал статусу приходского, чем кладбищенского*.

А старая Никольская церковь осталась стоять на прежнем месте. На кладбище она была совершенно лишней, но что с ней делать, горожане не знали. В 1838 году «городское общество» обратилось к епархиальному начальству с просьбой разрешить «находящуюся при градском кладбище деревянную церковь с колокольнюю разорвать и по перевозке оной устроить во имя Священномученика Харлампия на каменном фундаменте по другую сторону Собора расстоянием не более версты от онога на месте, где существовало издревле кладбище» с тем, чтобы «возобновить по многочисленности приходских людей» для погребения «умерших тел другое таковое ж кладбище». Вологодская духовная консистория такое разрешение дала, но горожане по непонятным причинам так собственную инициативу и не осуществили, и второе городское кладбище открыто не было. В 1843 году они совсем уже было собрались взяться за дело, даже и новое разрешение было получено, но вновь что-то помешало. Закончилось все печально – в 1848 году Никольская церковь сгорела [16].

История четвертого каменного храма начинается в середине XIX века. Речь идет о Стефановской церкви, стоявшей на одноименной центральной площади Усть-Сысольска. Это самый большой в Коми крае храм. Вероятно, именно за внушительный вид его нередко именовали собором, хотя он такого статуса никогда не имел, являясь обыкновенной приписной церковью. Судьба его необычна хотя бы уже тем, что строился он намного дольше других храмов – более сорока лет.

* Кирульская Вознесенская церковь сохранилась.

Все началось с приезда в город епископа Вологодского и Устюжского Евлампия, который заметил, что в «столице зырянского края» ничего не напоминает о св.Стефане Пермском. «Именные горожане» приняли к сведению замечание владыки и решили действовать. Далее начинается долгая переписка с вышестоящими инстанциями, без которой в России никогда ни одно дело не делалось.

В апреле 1850 года Городская дума «вошла с представлением» к губернатору Волховскому, «в коем изъяснила, что местные граждане из старожилов издавна имели желание построить новую церковь на удобном месте или перенести с кладбища старую деревянную церковь», но поскольку она сгорела, «в настоящее время общество, желая произвести в исполнение означенное намерение предков, полагает соорудить в центре города на площади каменную двухэтажную с колокольней церковь во имя Божией матери всех скорбящих радости и Св.Стефана Епископа Пермского». Городским головой тогда был купец Иван Новоселов. Он-то как раз и был одним из главных (если не главным) инициаторов идеи строительства нового храма.

О «намерении предков» построить новый храм нам ничего не известно, зато мы хорошо знаем, как был выполнен их завет относительно переноса на новое место Никольской кладбищенской церкви. И вообще логика у «отцов города» (сомнительно, что об их инициативе было осведомлено все «городское общество») довольно странная – раз не удалось перенести маленькую деревянную церковь, давайте построим каменную двухэтажную.

У губернатора возникло сомнение в необходимости постройки еще одной церкви, и в конце сентября, через пять месяцев, он пожелал узнать мнение на сей счет правящего архиерея. С «невероятной скоростью» губернаторское послание проделало путь через соборную площадь и обратно – в начале ноября он получил ответ из Вологодской духовной консистории: «поскольку «при Устьсысольском соборе есть две отдельные хорошие каменные церкви, то Епархиальное Начальство не находит существенной надобности к построению еще третьей каменной церкви в г. Устьсысольске и не может изъявить своего согласия на эту постройку». Интересно, что против постройки новой церкви высказался все тот же епископ Вологодский и Устюжский Евлампий.

Против было и городское духовенство. Протоиерей Троицкого собора Вонифатий Кокшаров предложил Городской думе почтить память св. Стефана Пермского через переименование в Стефановский Трехсвятительского придела Троицкой церкви, поскольку на это «не требуется со стороны общества никаких издержек и трудов». Но горожане и слушать об этом не желали. Они написали «покорнейшее прошение» владыке Евлампию, в котором известили его, что на переименование придела «городское общество» согласие не дало, ибо этот придел «предками нашими вероятно был основан не без духовной цели», и просили

Стефановская площадь со стороны Трехсвятительской улицы

разрешить построить новую церковь «посреди города на площади» (под прошением подписались практически все городские семьи).

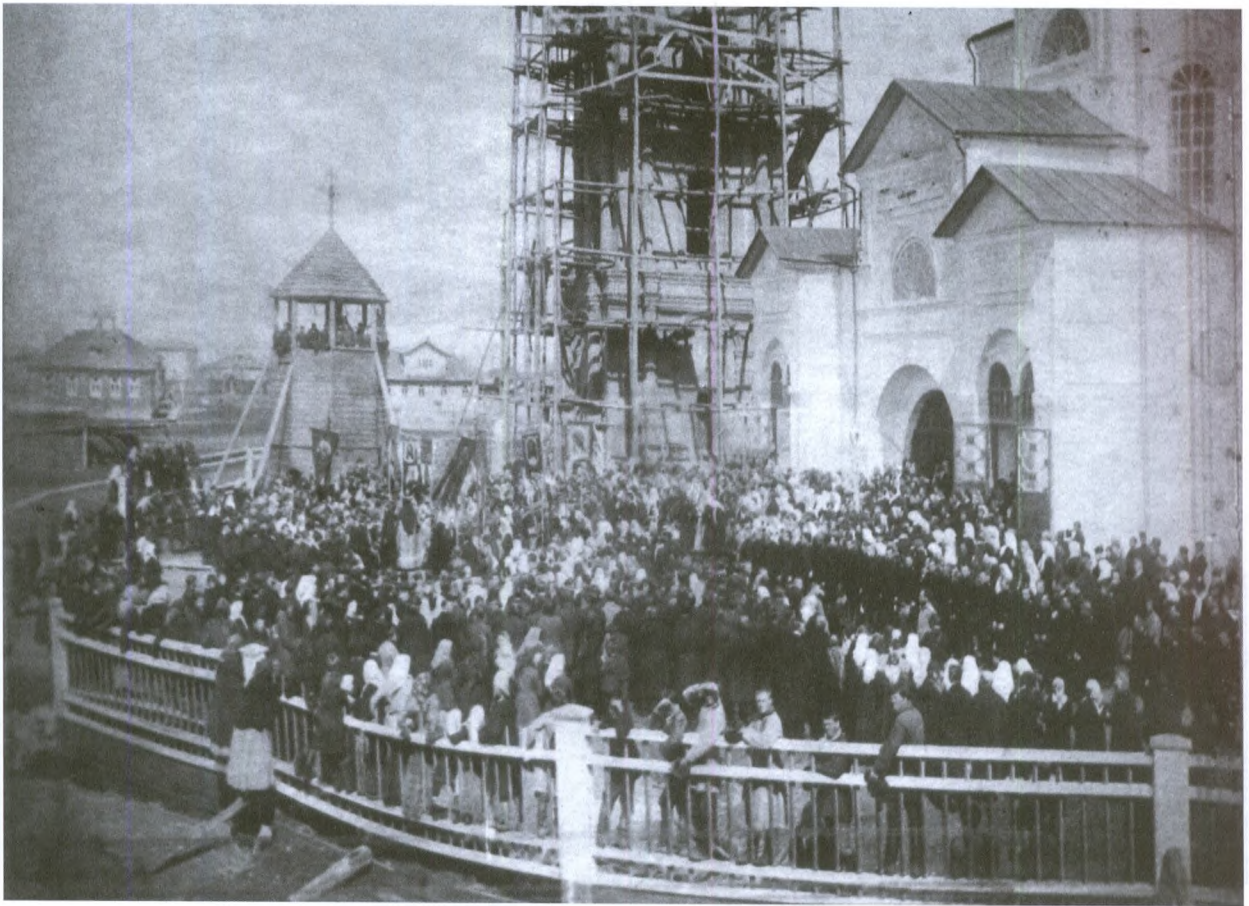
На сей раз владыка одобрил «истинно благочестивое и православное намерение устьсыольских граждан», тем более, что церковь должна была строиться «из добровольных пожертвований всех сословий». Но все же духовная консистория запросила мнение Усть-Сыольского духовного правления. Ответ был получен 21 мая 1851 года (вот и год прошел с начала всей этой истории). Этот документ – прекрасный образец российского бюрократизма (один из многих).

В Вологодскую духовную консисторию поступил рапорт Усть-Сыольского духовного правления об исполнении Указа Его Императорского Величества, поступившего из консистории, повелевавшего оному правлению узнать, нужна ли в городе новая церковь. К этому рапорту, являвшемуся всего лишь сопроводительным письмом, был приложен основной документ – рапорт «в Усть-сыольское духовное правление настоятеля Усть-сыольского Троицкого собора протоиерея Вонифатия Кокшарова с братиею». Получается, что протоиерей рапортовал самому себе, поскольку он же это правление и возглавлял. Но ничего не поделаешь – порядок есть порядок!

Городское духовенство сообщило, что «настоящие церкви, особенно Троицкая, весьма поместительны», «городское общество» ничего не де-

лает для того, чтобы спасти собор от медленного разрушения (за пять лет проделано «не более 0,1 потребной» работы, предписанной Вологодской строительной комиссией), давно назрела необходимость перестроить алтарь в Троицкой церкви, поскольку он «находится в опасном состоянии», привести в порядок «внутреннее состояние» храмов, несмотря на указ Синода от 27 сентября 1840 года (десятилетней давности!), так и не построена сторожка при кладбищенской церкви, отчего сторожа по-прежнему спят внутри ее, «наполняя оную запахом азотного газа», постройка новой церкви неизбежно снизит доходы уже существующих. Вывод приходского духовенства был совершенно определенным: «посему мысль граждан иметь еще 3-ю церковь в городе Усть-сыольске мы признаем совершенно несообразною из вышеизложенных обстоятельств и невозможною по бедности граждан».

Духовная консистория рассудила, что горожане сами должны решить, строить ли храм или переименовывать придел. Если хотят строить храм – пусть представляют на утверждение план и фасад. В ноябре 1851 года городская дума представила в консисторию проект («план и фасад») храма, а также сообщила, что уже начался сбор пожертвований «деньгами и хлебом». В апреле 1852 года (вот и еще год прошел!) владыка Евлампий, теперь уже поддерживающий инициативу горожан, представил проект в Синод. Проект с

Стефановская церковь в день освящения 24 апреля 1896 г.

некоторыми поправками был Высочайше утвержден только 18 декабря 1852 года. Теперь можно было приступать к строительству.

По указу епископа Вологодского Феогноста, сменившего на вологодской архиерейской кафедре владыку Евлампия, была создана Комиссия по постройке каменной церкви с колокольнею в городе Усть-Сысольске. От «городского общества» в нее вошли купцы Михаил Николаевич Латкин, Иван Назарович Забоев, Алексей Семенович Стенин и Илья Сидоров, а также мещанин Алексей Степанович Забоев (трое из них впоследствии занимали должность городского головы), от городнического правления – уездный судья надворный советник Алексей Федорович Протопопов, от духовного правления – священник Троицкого собора Михаил Георгиевский. По иронии судьбы председателем комиссии был назначен не кто иной, как протоиерей Вонифатий Кокшаров. А Иван Новоселов к этому времени скончался, завещав на постройку церкви 8 тыс. руб.

Комиссия сразу столкнулась с финансовыми проблемами. По расчетам специалистов «для приведения проекта в исполнение потребуется до 120 тыс. рублей» – деньги по тем временам огромные. Где их взять? Первоначальный капитал составили довольно большие пожертвования (до 5 тыс. рублей) горожан. А затем поток пожертвований заметно поубавился. В 1854 году было собрано всего 824 руб. 65 коп. (из них 400 руб. со-

ставили деньги, внесенные наследниками Новоселова, – завещанная им сумма вносилась частями). При таких темпах на сбор всей суммы ушло бы сто лет. Комиссия делала все возможное, чтобы найти другие источники финансирования, но результат был невелик.

В первые годы комиссия занималась подготовительными работами: был заведен свой кирпичный завод (часть кирпича продавалась, и вырученная сумма шла в фонд строительства), сделаны запасы строевого леса, извести, «бульжного камня» на фундамент. Только в июне 1856 года комиссия сообщила владыке Феогносту, что «основание новой каменной Стефановской церкви по совершению молебствия Господу Богу... Ею торжественно сделано». Это означало, что начались собственно строительные работы. Для укладки фундамента привлекли (не бесплатно) 47 солдат местного гарнизона. Для «производства кирпичной кладки» была нанята бригада профессиональных каменщиков из Великого Устюга и Сольвычегодска под руководством сольвычегодского мещанина Николая Яковлевича Черепанова, «в сем деле опытного и благонадежного человека».

Три года (точнее, три лета, поскольку к работе приступали в мае, а закатывали в сентябре) трудилась бригада строителей. В подсобных рабочих у них было до 40–50 местных жителей. Наконец, в 1859 году была закончена кладка стен и

Богородицкая тюремная церковь

свода первого этажа. И после этого дело встало – закончились и материалы, и деньги. В отчете комиссии за 1860 год отмечено, что строительные работы уже не велись, рабочие занимались починкой сараев, печей и т.д.

В течение пяти лет о церкви никто не вспоминал. А затем «городское общество» опомнилось и в мае 1865 года отправило епископу Вологодскому Христофору «покорнейшее прошение» о возобновлении строительства, заодно наябедничав на комиссию. Владыка предписал проверить работу комиссии и «безотлагательно» возобновить строительство. Не тут-то было. Переписка о возобновлении работ тянулась еще два года. Епископу Вологодскому Павлу, сменившему Христофора, одна за другой приходили жалобы от горожан. В чем только ни обвиняли комиссию: и в том, что стройка прекратилась по ее нерадению, и в том, что «по беспечности их и несмотрению испорчено весьма значительное количество кирпича, извести, сгнили лесные материалы», и в том, что члены комиссии «добрых... советов со стороны общества... по своему самолюбию и гордости во внимание вовсе не принимали и не принимают», и даже в финансовых злоупотреблениях. Особенно досталось протоиерею Вонифатию Кокшарову, который, по мнению горожан, «не только имеет постоянное послабление в этом деле, но даже противодействовал, ... малодушествуя о том, чтобы не образовался новый приход, чрез что уменьшатся его доходы». «Город-

ское общество» просило заменить членов комиссии. Те разобиделись, начали оправдываться. Протоиерей Вонифатий Кокшаров подал владыке Павлу прошение об отставке, ссылаясь на «личную неприязнь» к нему некоторых особенно активных «правдоискателей» и то, что «ропот народа может усилиться и нанести... неприятности по службе», а также «некоторое ослабление в силах и оскудение здоровья».

Позиция горожан особой симпатии не вызывает. Они заняли роль сторонних наблюдателей, взвалив все заботы по строительству на комиссию, но при этом не забывая давать «ценные советы». К тому же они «деликатно» умолчали о главной причине «замораживания» стройки – отсутствии средств. Прав оказался протоиерей Вонифатий Кокшаров – амбиции «городского общества» были значительно выше его возможностей. Оправдываясь, он писал владыке Павлу: «после сего (1859 года. – авт.) наступили нещасные для здешнего края годы неурожая хлеба. В этот период времени до 1866 г. общество не только что-либо из своего достояния не могло жертвовать на сей предмет, но и с большим трудом, и то при помощи начальства, поддерживало и себя. Это и отсутствие денег и было главною причиною и препятствием Комиссии продолжать постройку сей церкви».

Духовная консистория поручила священникам Александру Сахарову и Илие Попову «обще с полицией» проверить деятельность комиссии. На-

Троицкая улица и Стефановская церковь подворья Ульяновского Троице-Стефановского монастыря

рушения в ее работе были выявлены, но не очень существенные. Все ее члены, за исключением выбывших, были оставлены на месте, в том числе и председатель протоиерей Вонифатий Кокшаров. Уже 1 мая 1868 года работы были возобновлены. Руководил ими все тот же Н.Я.Черепанов, возглавлявший бригаду из 24 устюжских и сольвычегодских каменщиков. Комиссия теперь ежемесячно отчитывалась о ходе работ [17].

Работы шли очень медленно, постоянно останавливались из-за нехватки средств. О том, чтобы строить храм только на добровольные пожертвования, и речи не шло (однако пожертвования были, и немаленькие, – к примеру, в 1878 году «неизвестный из Архангельска» пожертвовал 4100 руб.) Для того чтобы закончить строительство, пришлось прибегнуть к солидным безвозмездным ссудам из городского бюджета и кассы Троицкого собора, а позднее – из земских средств. Только в 1881 году была «вчерне закончена постройка Стефановского храма», а в следующем году «закончено внутреннее устройство нижней церкви» и 24 ноября освящен главный престол во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», еще через год, 23 ноября 1883 года, был освящен придельный престол во имя св. Харлампия [18]. К тому времени почти никого из инициаторов строительства и членов первой Комиссии по постройке Стефановской церкви и в живых уже не было.

Однако на этом история строительства вовсе не заканчивается. Понадобилось еще более 10 лет, чтобы открыть собственно Стефановскую церковь на втором этаже. В 1884 году академиком архитектуры Ковригиным был разработан проект трехрядного иконостаса для Стефановского храма, но опять же из-за недостатка средств

он был «отложен в долгий ящик». Только в 1893 году была создана Комиссия по устройству храма, в 1894 году епископом Великоустюжским Варсонофием – утвержден проект иконостаса. На оплату работы городская дума выделила 500 руб., земство – 2000 руб. Работы были поручены устюжскому мастеру Якову Кострову, ранее изготовившему иконостас нижнего храма и реставрировавшему иконостасы Троицкого собора (кстати говоря, выбор мастера сопровождался очередным скандалом, поскольку на эту работу объявился еще один претендент, обвинивший Кострова в рвачестве и непрофессионализме).

Для иконостаса были пожертвованы три большие, писанные на холсте иконы «Христос, благословляющий детей», «Богородица Владимирская» и «Положение Христа Спасителя во гроб», «прежде бывшие в иконостасе Исаакиевского собора» Санкт-Петербурга. Остальные иконы и клейма для Царских врат исполнили в иконописной мастерской Малышева в Сергиевом Посаде. Храм по имя св. Стефана Пермского был освящен 24 апреля 1896 года, в день 500-летия преставления Святителя. К этому времени благодаря большим жертвованиям опять же неизвестного лица из Архангельска была достроена «отдельно стоящая» колокольня «в три яруса».

Стефановский храм стал действующим, но обустройство его продолжалось еще долго. В 1911 году церковный староста Григорий Емельянович Жижев (многолетний гласный городской думы) отмечал, что Стефановский храм «далеко еще не окончен ни внешним, ни внутренним благоустройством». Земство вновь выделило деньги на производство различных работ, продолжали поступать и частные пожертвования, причем

Подворье Ульяновского Троице-Стефановского монастыря. Снимок 1988 г. Управление Сыктывкарской и Воркутинской епархии

не только от горожан. Но полностью работы по благоустройству храма так и не были закончены, хотя он и был действующим [19].

Последней по времени постройки приписной церковью в городских кварталах стала Богородицкая. Освящение храма состоялось 26 сентября 1904 года. Эта небольшая деревянная теплая церковь в одной связи с трехъярусной колокольной, с одним престолом во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», имела особый статус. Она была выстроена Усть-Сысольским уездным тюремным комитетом и находилась при городской тюрьме, на углу Набережной и Юго-Загородной улиц.

В центральной части Усть-Сысольска стоял еще один храм – на подворье Ульяновского Троице-Стефановского мужского монастыря. В городе было и подворье Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря. И хотя эти подворья вроде бы не имеют отношения к рассказу о городских храмах и приходе, упомянуть о них надо, поскольку они были тесно связаны с приходской жизнью.

Ульяновский Троице-Стефановский мужской монастырь был восстановлен в 1860 году. Обитель располагалась далеко от города, на верхней Вычегде, но монастырь всегда был тесно связан с Усть-Сысольском хотя бы потому, что находился на территории Усть-Сысольского уезда и основной путь в него проходил через уездный центр. В 1866 году именно через Усть-Сысольск проследовали монахи Соловецкого монастыря, составившие основу новой обители. Они с признательностью вспоминали о теплой встрече и поддержке горожан в их многотрудном начинании:

«Обыватели города Устьсысольска приняли нас радушно и некоторые делали сильные приношения нам, переселяющимся монахам на созидание обители во славу Божию. Слышно было, что в Ульянове нет ни муки для просфор, ни ладану, ни церковного вина... В удовлетворении этой нужды, Устьсысольский купец Суворов пожертвовал инокам один мешок муки первого сорта, пять фунтов ладану и бутылку церковного вина;

все это мы отправили вместе с кладью. Узнав цель нашего переселения, и другие горожане Устьсысольска помогали нам, кто чем мог... Во время пребывания нашего в Устьсысольске мы у некоторых лиц служили всенощные, у других молебны по усиленной просьбе обывателей. В том же доме, где мы стояли на квартире, у благочестивой вдовы, правили мы каждый день молебны и два раза всенощные с вечера. Народу на наши богослужения собиралось множество и все выстаивали до конца, несмотря на то, что служба продолжалась более трех часов».

Уже известный нам купец и общественный деятель Иван Назарович Забоев, державший почтовую станцию, помог с отправкой монастырского имущества, а оставшееся поместил на сохранение в своем амбаре. Все это происходило в июле, а в конце сентября 1866 года казначей иеромонах Паисий и экононом иеродиакон Феофилакт с благословения отца настоятеля Матфея отправились собирать пожертвования для монастыря. Первой их остановкой стал Усть-Сысольск, где они провели несколько месяцев. Устьсысольцы охотно жертвовали на обустройство обители и деньгами, и продовольствием, а мешанка Авдотья Ильинична Сидорова пожертвовала свой двухэтажный деревянный дом, где разместилось подворье Ульяновского монастыря. «Таким образом от Устьсысольска, от нашего маленького уездного города, началась первая материальная помощь для обители: отсюда начал являть милость Всевышний Господь на благоустройство Монастыря, а затем впоследствии эта милость возбудила сердца усердием и жителей великих градов и потом и всей святой Руси», – заключает летописец монастыря инок Арсений [20].

Подворье Ульяновского монастыря находилось в квартале на углу улиц Троицкой и Сухановской. При подворье была построена деревянная теплая однопрестольная церковь во имя св. Стефана Пермского. Храм был освящен 28 ноября 1877 года, в дни Георгиевской ярмарки, архимандритом Матфеем в сослужении духовенства Троицкого собора. В 1882 году рядом с деревянным было начато, а в 1884 году завершено строительство каменного братского корпуса*. Кроме того, на подворье помещались многочисленные хозяйственные постройки (амбары, скотный двор, баня, ледник). При подворье постоянно находились иеромонах, иеродиакон и два послушника, в чьи обязанности входило служение в храме подворья, встреча и размещение направлявшихся в монастырь паломников, ведение монастырских дел в уездном городе [21].

Кылтовский Крестовоздвиженский женский монастырь в Яренском уезде был основан в 1894 году. Но единственное подворье монастыря было в Усть-Сысольске, что вполне объяснимо – монастырь был основан в Коми крае, воспринимал

* Это здание – единственное сохранившееся из построек подворья. Сейчас в нем помещается управление Сыктывкарской и Воркутинской епархии.

ся как «зырянский». Одноэтажный дом 1895 года постройки с земельным участком для подворья в 1911 году был пожертвован вдовой известного в городе врача М.И. Тура Афанасией Трифоной. Дом с участком находился в 12 квартале (плановые места 189 и 190) на Предтеченской улице. На участке помещались флигель, баня, амбары, хлев, колодец – все, что нужно для приема паломников, направляющихся в монастырь. Кроме того, вдова пожертвовала обители «лесную дачу» в 900 десятин с постройками в загородном местечке Волково, где монахинями было заведено обширное хозяйство (молочная ферма) [22].

Но, как мы уже выяснили, кроме приходского центра была еще обширная «приходская периферия», жившая своей жизнью, зачастую мало связанной с городским собором. Действительно, жители Визябожа, Озела, Сейты, Слободы, отстоящих от города на десять с лишним верст или отдаленных от него рекой, не могли посещать службы в Троицком соборе. Даже те, кто жил в деревнях или местечках, находившихся вроде бы не так уж и далеко, в пяти-шести верстах, могли приходить в храм лишь несколько раз в году. Поэтому на «приходской периферии» издавна сложилась сеть часовен, служивших своеобразными «заместителями» приходского храма. Некоторые из них «выросли» в церкви и даже стали центрами отдельных приходов.

Первые приходские часовни в Зеленце и Парчеге, как мы помним, упоминаются еще в конце XVI века. Однако впоследствии эта территория вошла в состав Зеленецкого Богоявленского прихода. Когда появились часовни в тех селениях, которые впоследствии вошли в городской приход, точно сказать невозможно. Долгое время строительство часовен было запрещено из-за опасения, что они станут центрами раскола. Вероятно, самой старой из известных нам была часовня в возникшей в XVII веке деревне Кочпон. Сохранилось упоминание о том, что в 1722 году после очередного запрещения в этой деревне была разобрана часовня «по имя» св. Прокопия Устюжского, а иконы из нее взяты в Троицкий собор. В самом конце 1730 года по прошению жителей деревни, поддержанному приходским священником, епископ Великоустюжский и Тотемский Лаврентий разрешил часовню «собрать вновь» и вернуть в нее образа, что и было сделано. В 1734 году в Кочпоне числилась «часовня деревянная во имя Прокопия Устюжского Чудотворца. На ней крест железный, позолочен листовым золотом, глава обита белым железом».

Первая достоверно известная нам по дате постройки городская часовня – во имя Воздвижения Животворящего Креста Господня «на нижнем конце» Усть-Сысольска, отстоящего от собора на 4 версты (одно из местечек по Яренскому тракту). Сохранился договор нескольких жителей Нижнего Конца, заключенный 7 марта 1814 года с подрядчиком Кузнецовым о том, что они берутся «с начала весны сего года, как растает снег, старую часовню разломать и оное место вычистить дочиста, а на месте оной из готового леса и

материала срубить... под смотрением мастера новую с папертью в одном корпусе». Вся работа они брались завершить к сентябрю. Из договора видно, что часовня в Нижнем Конце стояла как минимум с конца XVIII века. И можно с уверенностью сказать, что это была далеко не единственная часовня в приходе [23].

В начале 1837 года Вологодская духовная консистория запросила у Усть-Сысольского духовного правления сведения, «при каких именно приходах находятся часовни, какого здания, по какому случаю они построены и какое в них имеется имущество». В Усть-Сысольском Троицком приходе таковых оказалось пять: уже упоминавшаяся Крестовоздвиженская в Нижнем Конце, во имя Чудотворной Иконы Казанской Божией Матери и св. Христа Ради Юродивых Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев в деревне Кочпон, во имя Покрова Пресвятой Богородицы в деревне Чит (построена в 1828 году), во имя свв. Николая Мирликийского и Димитрия Ростовского в деревне Слобода и во имя Вознесения Господня в деревне Озел. Все они были выстроены по одному принципу – основной корпус часовни составлял обыкновенный прямоугольный в плане сруб, перекрытый четырехскатной крышей, завершающейся невысокой главкой. К нему была прирублена паперть с колокольней (исключение составляла Кочпонская Прокопьевская, у которой было две паперти). Вот, к примеру, описание все той же Воздвиженской часовни в местечке Нижний Конец:

«Зданием деревянная с покатою на 4 стороны тесовою крышею осьмериком шейкою, с обитым белым железом маковицей с железным крашеным со свесками позолоченным крестом, укрепленным железными цепями, в коей на полуденную сторону четыре окошка с железными решетками и вверху над оными два окна без решеток, а с северной стороны – два окошка также с решетками, а над оными одно без решетки, и во всех окошках окончины стеклянтыся рамами, а с отступом от нонной с западной стороны в одной связи колокольня деревянная круглая с деревянным шпилем и маковицей, на коей крест железный с фигурами крашеный зеленою краскою.

Оная часовня в длину 6, а в ширину 4 сажени, под коей амбар с наружным входом. ... В часовне стены, пол и подволока тесаные, а для Святых образов полки деревянные крашеные. Иконостас на три става. В нижнем ставе 9 икон, в том числе храмовая икона... В среднем – 10 икон... В верхнем ставе 16 икон» [24].*

В описании прихода 1850 года, кроме вышеуказанных, упоминаются еще две часовни, построенные в 40-е годы XIX века, – во имя Рождества Богородицы в деревне Визябож и во имя св. Модеста Патриарха Иерусалимского в деревне

* 1 сажень = 3 аршина = 2,1336 м.

Сейты. Вероятно, вскоре после этого к ним прибавилась еще одна – Преображенская в местечке Кируль. И в то же время во второй половине XIX века число часовен начинает уменьшаться. В 1880 году, например, в приходе числилось пять часовен: в Кируле, Нижнем Конце, Чите, Визябоже и Сейты. В 1891 году появилась часовня в пригородном месте Изкар, но через несколько лет она была перестроена в церковь. В 1910 году в приходе остались только три часовни – в Кируле, Нижнем Конце и Чите (вероятно, они неоднократно перестраивались), а к 1914 году и вовсе одна – уже известная нам Преображенская в местечке Кируль [25].

Уменьшение числа часовен вовсе не связано с оскудением благочестия местных жителей, нежеланием иметь у себя «заместитель» приходского храма. Скорее наоборот, поскольку прихожане обращались к епархиальному начальству с просьбой разрешить им перестроить часовни в церкви «через пристройку алтаря». В 1850 году разрешение на перестройку часовни в церковь получили жители отдаленной от города, разросшейся к тому времени деревни Слобода. Подобная перестройка не требовала больших затрат и времени. Однопрестольный храм во имя св. Николая Мирликийского и Димитрия Ростовского был освящен 31 мая 1851 года.

В 1850 году примеру жителей Слободы пожелали последовать кочпонцы, обратившиеся к епископу Вологодскому и Устюжскому Евлампию с прошением разрешить им устроить «предположенную во имя Чудотворной Иконы Казанской Божией Матери с приделами по правую сторону при входе в трапезы во имя св. Прокопия, а по левую сторону св. Иоанна Устюжских Чудотворцев, теплую, в одной связи с колокольней на каменном фундаменте деревянное здание, из существующей часовни церковь». Однако прошение очень долго ходило по инстанциям. Проект был утвержден только в апреле, а разрешение на строительство выдано Синодом в июле 1858 года. Однопрестольный деревянный храм в одной связи с колокольней был освящен по благословию епископа Вологодского и Устюжского Христофора 24 мая 1861 года. И в то же время, в 1860 году, была перестроена в церковь часовня в деревне Озел. Однопрестольный храм во имя Вознесения Господня и Крестителя Господня Иоанна был освящен 8 июня 1863 года [26].

Понятно, что эти храмы были очень маленькими и выглядели весьма скромно. Все ониполнили число приписных к Троицкому собору. Из них только Озелская Вознесенская благополучно дожила без всяких перестроек до начала XX века. В 1886 году она стала приходской и вместе с Сейтинской часовней была выведена из ведома причта Троицкого собора.

Слободская Никольская церковь сгорела в 1885 году. В 1887-1889 годах прихожане отстроили новую, более просторную деревянную Никольскую церковь в одной связи с колокольней, с престолами во имя св. Николая Мирликийского (главный, освящен в 1889 году) и св. Пророка Божия

Илии (с правой стороны, освящен в 1890 году). Именно эта церковь и стала в 1894 году приходской. Позднее у нее появился еще один престол во имя св. Серафима Саровского (с левой стороны).

Церковь в деревне Кочпон осталась приписной. В 1899 году первоначальный храм был разобран и выстроен новый. Однако ему была уготована короткая жизнь. 13 июня 1901 года в Кочпоне произошел страшный пожар. Сгорела почти вся деревня, огонь не пощадил и Свято-Казанскую церковь. Но жители сумели вынести из огня антиминс, напрестольное Евангелие, священные сосуды и кресты, а также часть икон. Вскоре была отстроена новая деревянная теплая церковь в одной связи с колокольней. В ней был один престол – во имя Иконы Казанской Божией матери. Свято-Казанская церковь была освящена 19 сентября 1906 года*.

В конце XIX – начале XX веков в пригородных местечках по Яренскому тракту появились еще две приписные церкви. В мае 1897 года с разрешения епископа Вологодского и Тотемского Алексия была переделана в церковь относительно новая (построена в 1891 году) Воскресенско-Харлампиевская часовня в местечке Изкар. Деревянная Воскресенская церковь с престолом в честь Обновления Храма Воскресения Господня в Иерусалиме была освящена 19 октября того же года**. В 1911 году церковью стали и бывшая Крестовоздвиженская часовня в местечке Нижний Конец. Престол во имя Воздвижения Честного Креста Господня был освящен 5 ноября 1912 года.

Вероятно, предполагалось, что приписная церковь появится и в деревне Чит. В 1913 году была создана комиссия по «постройке церкви вместо часовни» из представителей городского духовенства, купечества и жителей деревни под председательством протоиерея Александра Малевинского. Но начавшаяся вскоре война приостановила реализацию этого проекта. Возможно, часовня была уже частично разобрана, поскольку в клировых ведомостях Троицкого собора за 1914 год в составе городского прихода она уже не упоминается [27].

Перед первой мировой войной в Усть-Сыольском Троицком приходе числилось два здания соборных храмов, 6 приписных церквей и 1 часовня, не считая церкви подворья Ульяновского монастыря. Такого обилия храмов больше не было ни в одном приходе Коми края.

7.3. Пастыри и паства

Главной фигурой приходской жизни, конечно же, был пастырь – охраняющий, учащий и управляющий. Численность духовного сословия (священноцерковнослужителей и членов их семей)

* Свято-Казанская церковь в дер. Кочпон, вошедшей в городскую черту, стоит и поныне. Это единственный городской храм, который, за исключением нескольких военных лет, был действующим.

** Здание церкви сохранилось, но в сильно перестроенном виде.

всегда была очень невелика, а священников на многотысячный приход – и вовсе единицы. Однако роль духовенства не только в приходской, но и в городской жизни в целом была просто неизмеримо выше их ничтожной численности. Можно с уверенностью сказать, что приходских священников знали все без исключения горожане (не уверен, что то же самое можно утверждать относительно городского головы). Объясняется это просто – только с пастырями регулярно общались все горожане.

Точных данных о штате догородского Троицкого собора у нас нет. Известно, что в связи с преобразованием прихода в городской первый священник стал именоваться протоиереем. Уже в 1784–1785 годах в штате собора упоминаются три священника, диакон, два дьячка и два пономаря. Но первые полные данные о составе причта относятся только к 1790 году – тогда он включал протоиерея, двух священников, двух дьяконов, двух дьячков и трех пономарей. Скорее всего, одно место было вакантным, поскольку по штатам начала XIX века Троицкому приходу полагалось три дьячка.

Штаты духовенства не менялись более полувека, хотя неоднократно встречались «внутренние несоответствия». Так, например, в 1853 году второй священник собора был в сане протоиерея, а дьяческое место занимал дьякон. В 60–70-е годы XIX века было повсеместно проведено сокращение численности приходского духовенства с целью изыскания средств для увеличения денежного содержания оставшимся клирикам. С 1874 года Троицкому городскому приходу было положено иметь протоиерея, двух священников, дьякона и трех псаломщиков. Лишь в начале XX века приходские штаты опять были увеличены. С 1912 года штат прихода составляли протоиерей, три священника, дьякон и четыре псаломщика. Кроме того, с конца XIX века было разрешено иметь сверхштатного священника, «специализировавшегося» на преподавании Закона Божьего в гимназиях, так что иногда в приходе числилось даже шесть священников [28]. Такого большого штата не было ни в одном приходе Коми края (лишь в четырех больших приходах полагалось иметь по два священника).

Имена первых приходских священников затерялись во времени. Встречаются упоминания лишь о некоторых из них – Прокофий Федорович (1586 и 1608 годы), Яким Григорьевич (1646 год), Арефа Иванович (1678 год), Артамон (1730 и 1740 годы), Макарий (1740 год), Никифор Макариевич и Стефан Елеазарович (1753 год). Мы даже не знаем точно имени первых священников городского Троицкого собора. В «Летописи Троицкого собора» в записи за 1780 год упоминается священник Иоанн Илларионович, а в записи за 1781 год – Иоанн Никифорович и Илларион Наумович.

Вероятно, все же первым протоиереем Троицкого собора был Василий Алексеевич Стенин, родом из Сольвычегодска, впервые упоминающийся в 1782 году (еще без фамилии). Более четверти века он возглавлял городской приход – отец

*Протоиерей
Андрей Попов*

Василий преставился 30 января 1808 года 55 лет от роду. Его сменил протоиерей Димитрий Моисеевич Подъяков, переведенный в Усть-Сысольск из Великого Устюга и служивший на Троицком приходе до 1825 года. Он первым возглавил Усть-Сысольское духовное правление, при нем была построена Вознесенская кладбищенская церковь. По сравнению с ними относительно недолго, с 1825 по 1837 год, соборным протоиереем был Александр Васильевич Шергин, сын священника того же собора Василия Иоанновича Шергина.

Следующий протоиерей Троицкого собора, Вонифатий Георгиевич Кокшаров, безусловно, был одной из самых заметных фигур среди городского духовенства хотя бы потому, что более сорока пяти лет служил священником на Усть-Сысольском Троицком приходе, из них сорок (намного больше других) – в сане протоиерея. Он родился в семье дьячка Койгородской Спасской церкви Георгия Андреевича в 1811 году, в 1834 году закончил Вологодскую духовную семинарию и сразу был рукоположен священником к Усть-Сысольскому Троицкому собору. В 1838 году о. Вонифатий был определен исполняющим обязанности, а в следующем году – протоиереем собора, и состоял им до своей кончины в 1880 году. За усердную и ревностную службу, образцовое преподавание Закона Божьего в городских школах неоднократно удостоивался благодарностей Вологодских архиереев, награжден бархатной фиолетовой скуфьей и камилавкой, серебряным под золотом наперсным крестом, бронзовым крестом в память Крымской войны, орденами св. Анны 3-й и 2-й степеней. Кроме множества других должностей, о. Вонифатий почти тридцать лет, с 1839 по 1868 год, был первоприсутствующим Усть-Сысольского духовного правления, как уже говорилось, много лет возглавлял Комиссию по постройке Стефановской церкви.

С 1880 по 1903 годы протоиереем Троицкого собора состоял Андрей Васильевич Попов. Он был рукоположен в священники к этому же приходу еще в 1854 году. О. Андрей в истории прихода был фигурой не менее заметной, чем о. Вонифатий. Его служение было отмечено многими цер-

Иерей Александр Другов

ковными и светскими наградами, среди которых – набедренник, бархатные фиолетовые скуфья и камиллавка, наперсный золотой крест, бронзовый крест на Владимирской ленте в память Крымской войны, ордена св. Анны 3-й степени и св. Владимира 4-й степени.

Последним протоиереем Усть-Сысольского Троицкого собора в досоветский период был Александр Стефанович Малевинский. В сан протоиерея он был возведен в 1903 году, а до этого, после окончания в 1882 году Вологодской духовной семинарии, был учителем и с 1884 по 1903 годы – настоятелем Шарденской Никольской церкви Устюжского уезда, за усердную службу в которой он был награжден набедренником, скуфьей и камиллавкой. Уже во время служения в Усть-Сысольском Троицком приходе удостоен ордена св. Анны 3-й степени. Служение о. Александра выпало на трудные годы Первой мировой войны, революции 1917 года и гражданской войны.

Не имея возможности рассказать о каждом, хотя бы упомянем других священников, служивших на Троицком приходе в XIX – начале XX веков. Это о. Иоанн Михайлов (1784–1822), о. Александр Казаринов (1825–1860, с 1843 года – в сане протоиерея), о. Константин Головков (1880–1893), о. Александр Богословский (1885–1918), о. Василий Шергин (1799–1833), о. Михаил Георгиевский (1838–1854), о. Александр Сахаров (1860–1879), о. Викентий Харьюзов (1879–1885), о. Евлогий Вишерский (1893 – после 1917), о. Александр Еремиевский (1896 – после 1917), о. Николай Шайтанов (1898–1903), о. Александр Другов (1907– после 1917) [29].

Все городские священники были выходцами из духовного сословия и имели духовное образование. Еще в XVIII веке приходских священников избирали прихожане, а правящие архиереи только утверждали предложенные кандидатуры. Но с конца XVIII – начала XIX веков выборность приходского духовенства была упразднена. Теперь священников на приход назначали правящие архи-

ереи. И большинство священников Троицкого собора не были местными уроженцами. Правда, почти никто из них и не перемещался с городского на другие приходы. О. Константин Головков был перемещен настоятелем к Ибской Вознесенской церкви, о. Михаил Георгиевский был назначен настоятелем Яренского собора, о. Викентий Харьюзов – настоятелем Шеномской Богоявленской церкви в Яренском уезде – вот, пожалуй, и все случаи перемещения более чем за сто лет.

Духовенство, безусловно, относилось к числу привилегированных сословий, и в то же время семьи священноцерковнослужителей никак нельзя назвать богатыми. До середины XIX века приходское духовенство содержалось исключительно за счет прихода. В этом было заложено определенное противоречие, поскольку приход уже был лишен возможности сам выбирать священника – его назначали «сверху». К тому же приходской священник в глазах прихожан в какой-то мере был сродни государственному чиновнику, поскольку выполнял ряд обязанностей, возложенных на него государством (ведение метрических книг, наблюдение за благонадежностью граждан и т.п.). Прихожане вполне резонно полагали, что в таком случае и государство, и церковь тоже должны вносить свой вклад в содержание духовенства, а не перекладывать все расходы на приход.

Обычно прихожане заключали договор с клиром, в котором оговаривали размеры его содержания (а без выполнения этого условия и приход не разрешалось открывать). По договору «общество» выделяло причту надел общинной пашни и сенокосов. В XVI–XVII веках и Троицкий приход имел свои земельные наделы и «рыбные ловли» (об этом есть упоминания в переписных книгах), но в городской период причт уже был лишен пашенной земли, а «довольствовался санными покосами, данными из общества». Кроме того, в качестве компенсации за отсутствие земли, «на весь причт» собиралась руга* зерновым хлебом. Например, в 1824 году на причт в составе двух священников, двух диаконов и трех дьячков «городское общество» выделило сенокосов на 1200 копен и была собрана руга «ржаной и ячменных хлебом пополам» 89 четвертей**. В перерасчете на одного члена причта это больше, чем в сельских приходах, но ненамного.

С середины XIX века государство все же начинает выделять средства на содержание причтов. В Коми крае штатные оклады духовенству были установлены в 1854 году, но они были очень небольшими. Городское же духовенство и их не имело. На его содержание шел «кружечный доход» (денежные сборы с прихожан), в иные годы дополняемый «сборами зерновым хлебом». Поскольку в Усть-Сысольске численность прихожан

* Руга – «часть, шедшая на содержание причта в древней России; она выдавалась деньгами и съестными припасами тем причтам, кои не имели земли и не получали платы за требы» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.II. С.1968).

** Четверть = 2,0991 гектолитра. Вмещала 8 пудов (131 килограмм) крупы.

была значительно больше, чем в большинстве сельских приходов, и, главное, имелся слой относительно состоятельных людей, эти сборы значительно превосходили доходы сельского духовенства, включая и государственное жалование. Надо также учитывать, что кружечный сбор производился во всех храмах, в том числе и приписных.

Например, в 1858 году братский доход составил 1758, в 1866 году – 1987 руб. и 50 четвертей хлеба. В 1914 году кружечный сбор составил 2972 руб. 55 коп., из них 454 руб. 60 коп. дали приписные церкви (больше половины – Вознесенская кладбищенская). Из этой суммы протоиерей Александр Малевинский получил 625 руб. 80 коп., священники Александр Богословский и Иоанн Покровский – по 469 руб. 35 коп., священник Евлогий Вишерский – 462 руб. 35 коп., диакон Михаил Земляницын – 312 руб., псаломщики – по 156 руб. 45 коп. за год. Казенное жалование в 900 руб. (втрое больше чем приходской священник) получал только священник Александр Другов, но он был и государственным служащим, только в священническом сане, поскольку состоял на должности наблюдателя церковно-приходских школ Усть-Сысольского уезда и лишь формально был приписан к Троицкому собору, поскольку жил в Усть-Сысольске. Впрочем, его доход был не больше, чем у других священников, поскольку все они получали жалование за преподавание в школах. Сверхштатный священник Александр Еремиевский вообще жил только за счет доходов от преподавания [30].

По сравнению с сельскими батюшками, священники Троицкого собора жили относительно неплохо. Большинство из них имели в городе свои дома с усадьбами (большинство сельских священников довольствовалось «причтвыми домами», далеко не всегда удобными для жилья). Тем не менее городские батюшки, как и сельские, держали коров и овец, имели огород – без этого просто было не прожить. Позднее у церкви появился небольшой надел пашни (в начале XX века – 1 десятина). Сенокосы составляли 20 десятин. Надо иметь в виду, что семьи духовенства, как правило, были многодетными. У протоиерея Дмитрия Подьякова, например, было семь дочерей, у протоиерея Вонифатия Кокшарова – шесть сыновей и дочь, у протоиерея Александра Малевинского – пятеро, а у о. Александра Богословского – девять детей. Прокормить такую большую семью было непросто.

Издавна в каждом приходе избирали церковного старосту. Когда-то он был полномочным представителем прихода в обсуждении дел церковных, но постепенно государство существенно ограничило его права. Церковный староста стал помощником, доверенным лицом священника. И хотя старосты по-прежнему избирались на трехлетний срок самими прихожанами, утверждали их кандидатуры правящие архиереи. Надо заметить, что старосты были не только в соборной, но и в приписных церквях. В 1871–1873 годах при приходах Коми края стали создаваться приходские попечительства (положение о них было утверж-

дено еще в 1864 году). Но при Троицком соборе попечительство из наиболее «именитых горожан» так и не было создано.

Общественная должность церковного старосты была весьма хлопотной, но и почетной. Как правило, ее занимали представители «именитого купечества». Среди старост усть-сысольских храмов мы видим представителей всех известных городских купеческих семей – Сухановых, Новоселовых, Латкиных, Комлиных, Оплесниных и других. Главнейшей обязанностью старосты была помощь священнику в обустройстве и украшении храма. Надо заметить, что это была весьма многотрудная деятельность. Как мы уже могли убедиться на примерах с ремонтом храмов Троицкого собора и строительства Стефановской церкви, побудить горожан раскошелиться было совсем непросто. Причина довольно банальна – подавляющее большинство устьсысольцев не отличались достатком.

Но трудности в организации общеприходской помощи вовсе не свидетельствуют об отсутствии должного благочестия прихожан, равнодушии к приходским храмам. Нам известно множество случаев и безвозмездной работы по обустройству церкви, и пожертвований, причем не только от состоятельных горожан. К примеру, в 1812 году штаб-лекарь Григорий Смирнов пожертвовал в Троицкий собор явленную икону «Спас Нерукотворный». О пожертвованиях в Троицкий собор неоднократно сообщали «Вологодские епархиальные ведомости»: в 1870 году уже известный нам крупнейший городской предприниматель Михаил Латкин устроил за свой счет в Спасском соборе за клиросом два киота для месточтимых икон «Спас Нерукотворный» (той, что была пожертвована Григорием Смирновым) и «Знамение Божией Матери», а также пожертвовал подсвечники, ризу, два стихаря и воздухи ценою в 340 руб., в 1873 году он же пожертвовал в Покровскую церковь бронзовое посеребренное паникадило ценою 150 руб., в 1889 году более 200 руб. было пожертвовано разными лицами на обустройство Кирульской Вознесенской кладбищенской церкви.

Особенно много пожертвований было на обустройство нового Стефановского храма (не считая пожертвований на его строительство). В 1889 году торгующим крестьянином Василием Оплесниным были пожертвованы риза и стихарь, а также серебряное кадило, купцом Матвеем Суворовым – трехъярусное паникадило и три золоченые лампы, купцом Петром Жеребцовым – 40 руб. на написание стеной иконы «Тайная Вечеря», еще тремя лицами – деньги на устройство храма; в 1897 году – купеческой вдовой Людмилой Суворовой, купцом Александром Сычевым и мещанкой Анной Маеговой – по 100 руб. каждым, в 1904 году – уже известным нам Иваном Назаровичем Забоевым – 1046 руб. 34 коп. на приобретение колокола, и т.д. [31].

Службы в Троицком соборе проводились ежедневно (правда, не всегда, – как-то раз прихожане нажаловались в духовную консисторию, что в соборных храмах служат только четыре дня в неделю). По воспоминаниям старожилов, в нача-

ле XX века в будние дни молящихся в соборе было немного, но в воскресные и праздничные службы церковь была полна. Пример подавали городские власти, регулярно посещавшие богослужения. Надо заметить, что посещение церкви многими горожанами рассматривалась и как возможность для общения.

В Троицком же соборе совершались обряды крещения и венчания, а иногда и отпевания. В приписных храмах службы совершались редко – обязательно в престольные праздники и еще несколько раз в году «по желанию прихожан». Исключение в силу своей специфики составляла Вознесенская кладбищенская церковь – за год в ней отпевали от 150 до 200 усопших. Приписные храмы и часовни были «закреплены» за определенными священниками.

В часовнях священники служили только в установленных часовенных праздники (не более трех раз в году). Кроме того, к некоторым часовням в установленные дни совершались крестные ходы. Особенно многолюдным был крестный ход от Троицкого собора к Крестовоздвиженской часовне в Нижнем Конце в праздник Сретения Чудотворного Образа Божией Матери Владимирской, совершавшийся 23 июня. В день Преображения Господня (празднуется 6 августа) совершался многолюдный крестный ход от Вознесенской кладбищенской церкви к Преображенской часовне в Кируле, где хранилась особо чтимая икона Преображения Господня, по преданию, явленная «между 1818-1820 годами некоему Аврааму, из местных мещан, представлявшему себя в виде юродивого». До образования Озелского Вознесенского прихода совершался крестный ход от Троицкого собора «в позареке Сысоле 20 июля в день Пророка Илии» [32]. В самом городе ежегодных установленных в определенные праздники крестных ходов не было.

Без участия приходского духовенства не обходилось ни одно сколько-нибудь заметное событие в жизни города. Молебнами сопровождалась все торжественные даты и государственные праздники, начало учебного года в школах (после освящения Стефановского храма стало традицией проводить его в этой церкви), освящение новых общественных зданий и домов горожан. Не менее четырех раз в год в праздничные дни духовенство объезжало дома прихожан.

Особенно торжественно отмечалось 26 апреля 1896 года – 500-летие преставления Св. Стефана Пермского. Эта дата отмечалась как общецерковный праздник, но, разумеется, особо торжественно – в Вологодской епархии. 3 января 1896 года вышел Указ Святейшего Синода «О праздновании 26 апреля 1896 года 500-летия со дня блаженной кончины святителя Стефана – первого епископа Пермского». Заранее была образована епархиальная комиссия по проведению празднования, возглавляемая Преосвященным Александром, епископом Вологодским и Тотемским (в нее, разумеется, входил и епископ Великоустюжский Антоний), разработана, утверждена и опубликована его программа. Отдельную программу составило Министерство народного просвещения.

Торжественные мероприятия должны были пройти в Москве, Вологде, Ростове Великом, Устюге Великом. Центром празднества в Коми крае стала Усть-Вымь – древняя столица Пермской епархии. Центральным пунктом торжеств в Усть-Сысольске должно было стать освящение Стефановского храма. Вот как вспоминал об этом событии учитель Василий Кичин:

«К дням торжества освящения Стефановского храма и чествования памяти Св. Стефана Пермского из вычегодских и сысольских волостей спешил на богослужение в город Устьсысольск массама зырянский люд... воодушевленный религиозным порывом, преодолевая трудности весеннего пути при разливе рек и речек и неудобств пешеходного дорожного путешествия... В верхнем и нижнем этажах Стефановского храма 25 апреля была совершена всенощная с 5 часов вечера, а 26 апреля – литургия с 9 утра, а по окончании их был совершен торжественный крестный ход по городу...»

Шествие Стефановского крестного хода при благоприятной погоде, в ясный солнечный день совершалось чинно, не торопливо, между распределенными группами соблюдались в несколько шагов интервалы, пение церковного соединенного хора располагало участников торжества к благоговейной молитве... Трижды крестный ход останавливался, и на улицах города совершались молебны» [33].

Интересно, что через десять с лишним лет, когда подходило к концу обустройство Стефановской церкви, «городское общество» выступило с инициативой перенесения мощей Св. Стефана Пермского из церкви Спаса на Бору в московском Кремле в Усть-Сысольск. Причем «спохватилось» оно в связи с тем, что ранее с инициативой о перенесении честных останков святителя выступила Пермская епархия (причем пермяки были совершенно уверены в успехе своего начинания). Дело дошло до Святейшего Синода, который в декабре 1909 года представил доклад с отрицательным заключением Николаю II. Император согласился с заключением Синода. Так Коми край и не обрел свою святыню (Пермь, кстати говоря, тоже осталась ни с чем) [34].

Приходская жизнь вовсе не ограничивалась рамками храма, равно как и деятельность священников не сводилась к службам и требоисполнениям. Роль пастыря обязывала священника участвовать и в образовательной, и в общественной деятельности. Тем более, что к этому его побуждало, а в ряде случаев просто обязывало, и епархиальное начальство, и светские власти.

Первая школа в городе была открыта при приходе – это было духовно-приходское училище. В первой половине XIX века школ в городе было мало. Но во второй половине столетия число их значительно возросло. В конце XIX века в Усть-Сысольске появились и новые церковно-приходские школы (духовно-приходское

училище к тому времени уже было закрыто). Связано это с новыми правилами о церковно-приходских школах, введенными в 1884 году, согласно которым такие школы финансировались не только приходами, но и государством и земством, а священники могли получать плату за преподавание и заведование приходскими училищами. В 1914 году, например, в городе и пригородных местечках было четыре церковно-приходских школы*.

Священники просто не могли не стать преподавателями, поскольку во всех школах обязательным предметом был Закон Божий, который положено было преподавать только лицам духовного звания (в некоторых школах было еще и церковное пение, которое, наряду со священниками, преподавали диаконы и псаломщики городского собора). В Усть-Сысольске не было священника, который не трудился бы на ниве народного образования, причем многие состояли учителями в нескольких школах. А были и такие, которые до поставления в священники много лет отдали учительству (например, иерей Александр Богословский 16 лет преподавал в Усть-Сысольском духовном училище). Надо отметить, что зачастую они по многу лет занимались преподаванием безвозмездно.

В послужном списке протоиерея Вонифатия Кокшарова – преподавание в Усть-Сысольском духовно-приходском (1834–1855) и приходском (1835–1855), а затем – в уездном (1854–1860) училищах, а также в женском второразрядном училище (1858–1871, преподавал безвозмездно). В духовно-приходском училище он ровно 30 лет (1837–1867) состоял штатным смотрителем. Он же в 1869–1874 годах был председателем Усть-Сысольского уездного училищного совета, в 1872 году стал членом правления Усть-Сысольского духовного училища.

Протоиерей Андрей Попов в разные годы был учителем церковного пения в уездном (ровно тридцать лет), приходском, второразрядном женском училищах, а затем и в женской прогимназии, преподавал Закон Божий в уездном (после его преобразования – в городском) училище и той же прогимназии, Усть-Сысольском духовном училище, одно время даже обучал Закону Божьему низших чинов уездной команды, исполнял обязанности штатного смотрителя уездного училища, был членом Усть-Сысольского уездного училищного совета. Протоиерей Александр Малевинский с 1903 года состоял законоучителем Усть-Сысольского приходского женского училища, Кочпонской и Нижнеконской церковно-приходских школ (в первой он с 1910 года был еще и заведующим) [35]. И такой перечень (у кого-то он будет длиннее, у кого-то – короче) можно составить по каждому священнику.

Просветительство пастырей вовсе не ограничивалось преподавательской деятельностью. Они читали лекции, проводили религиозно-нравственные беседы. При соборе была библиотека духов-

но-нравственной литературы, насчитывающая почти 500 томов. Епархиальное начальство всячески побуждало приходское духовенство к занятиям по сбору и описанию древностей, в том числе древних рукописей. Но среди священноцерковнослужителей были люди, которые не по долгу службы, а по личному желанию и из интереса занимались просветительством и литературной деятельностью.

К ним, например, относился протоиерей Александр Шергин. В «Летописи Троицкого собора» за 1813 год есть такая запись: «5 января на рукописи Соборного Священника о.Шергина под заглавием «Известия Исторические о зырянах» написано: «книгу сию записать в опись Устьсысольского Собора и хранить в ризнице» Евгений Епископ Вологодский и Устюжский». Вероятно, наш летописец ошибся, приписав эту рукопись о.Василию Шергину, действительно в то время бывшему вторым священником Троицкого собора. Речь же, по всей видимости, идет о копии знаменитой Вычегодско-Вымской летописи, сделанной его сыном, тогда семинаристом, а впоследствии протоиереем Троицкого собора, Александром Шергиным, с древней рукописи, хранившейся в Оквадской Введенской церкви. Сама рукопись по распоряжению владыки Евгения была отправлена в Вологду, а копия хранилась в Окваде, а затем – в Усть-Выми. Не исключено, что Александр Шергин сделал две копии или изложил летопись своими словами, и именно эта рукопись хранилась в Троицком соборе**.

Александр Шергин с юношеских лет интересовался культурой коми народа, и его работа по копированию летописи – лишь одно из подтверждений этого интереса. Уроженец Устюга, где его отец был дьячком, а затем диаконом Петропавловской церкви (при этой же церкви служил священником и дед о. Александра), он в десятилетнем возрасте вместе с семьей переселился в Усть-Сысольск (в 1799 году отец Василий был рукоположен в священники к Усть-Сысольскому Троицкому собору). В то время, когда он учился в Вологодской семинарии, там было разрешено преподавать коми язык, но, скорее всего, Александр Шергин, русский, выучил его еще до того, как стал семинаристом. После окончания семинарии, с 1814 по 1822 год, Александр Шергин был преподавателем Сольвычегодского уездного духовного училища, а в 1822 году вернулся в Усть-Сысольск, где стал смотрителем духовно-приходского училища (занимал этот пост до 1837 года). В это время он серьезно занимался переводом библейских текстов на коми язык. Им переведен Новый Завет, а в 1823 году на средства Российского Библейского общества был издан сделанный им перевод Евангелия от Матфея. Это первая известная нам печатная книга на коми языке. В 1825 году Александр Шергин принял священнический сан и был

** Рукопись летописи, равно как и текст, хранившийся в Троицкой церкви, не сохранились. Пропала и копия, сделанная А.Шергиным (она была уничтожена в 30-е гг. XX в. при закрытии усть-вымских церквей). Текст летописи известен по копии, сделанной в 1927 г. П. Дорониным с копии А.Шергина.

* О городских учебных заведениях всех типов подробно рассказано в главе об образовании.

определен протоиереем к Троицкому собору, где и прослужил до своей смерти в 1837 году [36].

По свидетельству профессора Вологодской духовной семинарии, известного ученого-языковеда Павла Ивановича Савваитова, бывавшего в Коми крае в начале 40-х годов XIX века, среди «достойных служителей алтаря», предпринявших «труд доставить своим соотечественникам назидательное чтение в переводе некоторых книг духовного содержания на зырянский язык» были протоиереи Вонифатий Кокшаров («перевел несколько чтений из книг Ветхого завета») и священник Троицкого собора Михаил Георгиевский (перевел «начатки христианского учения»).

После обучения в Вологодской духовной семинарии, с 1844 по 1855 годы служил в Троицком соборе пономарем, а с 1855 по 1858 годы – дьячком в сане диакона Петр Васильевич Распутин, сын священника из Троицко-Печорска. В 1858 году он был рукоположен в священники к Щугорской Стефановской церкви (с 1880 до увольнения за штат в 1890 году – священник Подъельской Троицкой церкви). Он известен как плодовитый поэт, один из первых коми литераторов. Его перу принадлежат и переводы на коми язык некоторых псалмов. Причем значительная часть его литературной деятельности приходится как раз на усть-сысольский период [37].

Совершенно невозможно представить без участия духовенства общественную жизнь города, в том числе и благотворительную деятельность. Практически все священники имели «общественные нагрузки». Весьма показателен, к примеру, «послужной общественный список» протоиерея Александра Малевинского. В 1897 году он стал уполномоченным Императорского Православного Палестинского общества, а в 1910 году был избран пожизненным членом-сотрудником и удостоен ношения почетного знака этой общественной организации*. Такого звания удостоивались лица, ежегодно в течение ряда лет вносившие взнос в 10 руб. Отец Александр был награжден почетной медалью Общества Красного Креста в память участия в деятельности этой гуманной организации во время русско-японской войны 1904–1905 годов, выразившейся в организации сбора пожертвований.

Протоиерей Александр Малевинский с 1908 года состоял членом попечительского совета Усть-Сысольской женской гимназии, оказывавшего действенную поддержку этому учебному заведению и, в частности, помощь гимназисткам из

* Императорское Палестинское Православное общество было создано в 1882 г. по инициативе великого князя Сергея Александровича, бывшего его бессменным председателем до своей трагической кончины в 1905 г. В число основных задач этой очень влиятельной общественной организации входили поддержка православия, помощь православным паломникам в Палестине, ознакомление российского общества с прошлым и настоящим Святой Земли. Общество организовывало и содержало в Палестине православные школы, приюты и гостиницы для паломников, амбулатории и больницы, проводило большую научно-исследовательскую работу (организовывало археологические экспедиции, выпускало сборники научных трудов).

малоимущих семей, представлял духовенство в Усть-Сысольском земском собрании, был агентом по страхованию строений духовного ведомства. В 1905 году он стал директором Усть-Сысольского тюремного отделения. Эту должность, как правило, занимали священники, поскольку считалось, что пастыри духовные наиболее соответствуют гуманным задачам тюремного отделения (комитета) – следить за соблюдением прав и правил содержания заключенных, облегчать их участь с помощью духовно-нравственной и материальной поддержки.

У протоиерея Малевинского были еще две должности, о которых следует упомянуть, поскольку они связаны с деятельностью церковных общественных организаций. В 1903 году, после перевода на службу в Усть-Сысольск, он стал председателем Усть-Сысольского отделения Совета Великоустюжского Стефано-Прокопьевского братства. Оно было учреждено при Великоустюжском Прокопьевском соборе в «память 500-летия со дня преставления Святителя Стефана Пермского, уроженца устюжского и просветителя светом Христова учения зырян, населявших большую часть северо-восточных уездов, а также во имя Святого Праведного Прокочия Христа ради юродивого, Устюжского Чудотворца». В день, когда отмечалось 500-летие преставления св. Стефана Пермского, 26 апреля 1896 года, и состоялось учредительное собрание общества. В том же году во всех уездах, входивших в Великоустюжское викариатство, были созданы отделения братства (в Усть-Сысольском – 21 августа). Основной задачей братства являлась борьба с расколом, но не силой, а просвещением и убеждением. Оно оказывало поддержку помощникам епархиальных миссионеров, создавало библиотеки и школы в селах, где жили старообрядцы. В ведомство Стефано-Прокопьевского братства перешли все уездные церковно-приходские школы, которым оно оказывало действенную поддержку. Ряд школ был открыты и содержались на средства братства.

Кроме того, о. Александр с 1904 года был членом попечительства о народной трезвости. Именно на церковь в конце XIX века была возложена обязанность по созданию обществ трезвости, призванных противостоять распространению в «простом народе пагубного пьянства». Нельзя сказать, что эти общества были популярны и достигли больших успехов, но кое-что они все же сделали. Усть-Сысольск, к примеру, обязан возводимому церковью трезвенническому движению появлением Народного дома, своеобразного клуба, организованного как раз обществом борьбы за трезвость [38].

В рассказе о жизни горожан мы еще не раз будем упоминать приходских священников, поскольку без них не обходились ни праздники, ни сбор пожертвований, ни общественные комитеты и комиссии, ни всяческие общественные инициативы.